

Д. Б. Керт

par
vus
libellus

ГАНЗА В АНГЛИИ

ЗАПАДНЫЙ ВЕКТОР
РАЗВИТИЯ ГАНЗЕЙСКОГО СОЮЗА

Д. Б. Керт

ГАНЗА В АНГЛИИ

Западный вектор развития
Ганзейского Союза

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург

2025

УДК 94(4)»12/14»

ББК 63.3(0)4

К36

Керт, Дмитрий Борисович.

К36 Ганза в Англии. Западный вектор развития Ганзейского Союза / Д. Б. Керт. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 159 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0725-1

В книге отражено формирование и развитие торговых связей между материковой Европой и Британскими островами. Изучается эволюция предпринимательства: как из объединений купцов возникли союзы городов. Автор анализирует структуру торговли, реконструирует колебания ее объема и стоимости на основе первичных источников (главным образом таможенных документов). Особую роль в формировании торговых связей сыграли политические и дипломатические переговоры между двумя сторонами. Именно западный, Британский вектор деятельности Ганзы являлся знаковым для судьбы самой Лиги, всей Европейской торговли и мореплавания в целом.

УДК 94(4)»12/14»

ББК 63.3(0)4

Электронное издание на основе печатного издания: Ганза в Англии. Западный вектор развития Ганзейского Союза / Д. Б. Керт. — Санкт-Петербург : Евразия, 2022. — 160 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0512-7. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0725-1

© Керт Д. Б., 2020

© Юрченко К. А., дизайн обложки,
2022

© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2022

Введение

Одним из наиболее интересных феноменов классического и позднего средневековья, без сомнения, являлся Ганзейский союз. Его уникальность и значимость определялись несколькими факторами, среди которых первостепенны следующие. Ганза была достаточно автономной самоуправляющейся экономической и политической системой, вполне сопоставимой с наиболее продвинутыми монархиями своего времени. Вместе с тем в ее основе лежала модель олигархической купеческой республики, однако не в рамках одного города, что было типично для того времени. Будучи союзом множества городов, Ганза предвосхитила такие структуры, как, например, Республика Соединенных провинций в Нидерландах, во многом определила пути формирования будущей общегерманской идентичности, стала своего рода действенной альтернативой структурам Священной Римской империи.

Появление Ганзейского союза не было случайным и обусловлено взаимодействием нескольких важных факторов. Мы можем выделить среди них три наиболее значимых.

В первую очередь это многовековое соперничество между германскими и славяноязычными народами, населявшими юго-западные берега Балтийского моря. В процессе продвижения немцев на запад по балтийскому побережью остро встал вопрос формирования урбанистических структур, налаживания системы торговых связей, экспорта ремесленной продукции немецких городов и импорта сырья из Восточной Европы. Ключевую роль здесь сыграл «новый Любек», заменивший в 1143 г. славянскую Любицу (Старый Любек) и в 1226 г. получивший статус свободного имперского города.

Далее, прекращение эпохи викингов обрушило к концу XI в. систему транзитной североевропейской торговли, в которой скандинавы играли ключевую роль. Остро встал вопрос о субъекте, который будет осуществлять трансфер материальных ценностей между Западной и Восточной Европой. Купечество городов Северной Германии с успехом встроилось в эту систему и, по сути, монополизировало ее на очень долгий срок — в Прибалтике и Западной Скандинавии, например, вплоть до XVIII в.

Наконец, существовал западный вектор. Интенсивный обмен товарами между Северной Европой и регионом Средиземноморья через рейнские земли, Галлию и морские побережья Западной Европы был важным фактором уже в период Римской империи. Постепенно к нему добавилось британское направление — торговля континента с Британскими островами, осуществлявшаяся через побережья от Ла-Манша до Фрисландии. Даже при спаде экономики в период Темных веков она не прекращалась, ключевую роль в ней, как и в целом в северных морях, до IX в. играли фризцы.

Именно это британское направление торговли, доставшееся Ганзе по наследству, стало важным фактором трансформации самого ганзейского союза, возникновения в нем относительно автономных групп городов, ориентированных на связи с Англией, изменений в ганзейской политике в целом, важным фактором ганзейского регионализма. Рейнские и везерские города к XII в. были однозначно крупнее и мощнее своих северных и балтийских собратьев, и сочетание актуальности западного направления торговли с бурным экономическим, демографическим и политическим ростом этих городов обеспечило формирование ганзейско-английского сектора, игравшего

исключительно важную роль в общеганзейских делах.

Стоит отметить, что акцент намеренно смещен автором исключительно на западный вектор деятельности Ганзы, как наименее изученный отечественной историографией. Поэтому богатые и обширные связи Ганзы с Новгородом и Псковом, которые хорошо известны благодаря многим отечественным изданиям, вынесены за рамки данной книги. Все внимание мы обратим на Британские острова и западные города немецкой Ганзы. В исследовании представлены факторы первостепенной значимости региональных торговых интересов групп ганзейских городов, которые оказывали решающее воздействие на формирование как внутренней, так и внешней политики Ганзейского союза.

Так, при достаточном в целом внимании, уделяемом Ганзейскому союзу в европейской и отечественной историографии, вопросы его внутренней структуры и автономной деятельности отдельных подгрупп городов освещены неравномерно. Новгородское, прусское, скандинавское направления ганзейской торговли и политики представляются вполне разработанными, в то время как контакты западных (преимущественно прирейнских) ганзейских городов с Британскими островами все еще остаются

в историографической тени. Однако именно этот западный вектор устремлений Ганзы убедительно демонстрирует взаимовлияние торговых и политических интересов региональных групп городов в процессе выстраивания ими относительно автономной линии поведения в рамках союза. Благодаря такому разностороннему подходу к проблематике Ганзейского союза и пристальному вниманию к его торговым и в дальнейшем политическим связям с Британскими островами мы получаем возможность лучше понимать внутреннюю структуру самой Ганзы и проводить более адекватные аналогии с иными географическими векторами деятельности союза.

Для этого нами используются источники и сборники документов. В них идет речь о деятельности цеховых структур и торговых представительств в английских городах, личная документация представителей купеческого сословия и административной прослойки, нормативные акты и законодательные документы.

В данной работе внимание акцентировано на англо-ганзейских торговых связях западногерманского купечества и нижнерейнских городов. Несомненно, такое обособление привело к возникновению внутри Ганзы неформального объединения городов, обладавших специфическими «проанглийскими»

экономическими и политическими интересами, что, в свою очередь, отразилось впоследствии на внутриганзейских отношениях и ганзейской внешней политике в целом.

Глава 1

Эволюция ганзейско-английских связей

Образование Ганзы и организация торговых отношений Западной и Центральной Европы

Англо-германские торговые связи хронологически выходят далеко за пределы существования Ганзы, и с самого начала торговые контакты с Британскими островами оказывали существенное влияние на развитие немецких торговых городов и купеческого общества.

В связи с завоеванием в I веке до н. э. Римской империей огромной территории Галлии и левобережья Рейна где обитали кельты и древние германцы, начала формироваться единая область нового экономического пространства. Зимой 56–55 гг. до н. э. Гай Юлий Цезарь побеждает вторгшиеся в Галлию через Нижний Рейн германские племена узипетов и тенктеров. Римские легионы в эти годы впервые пересекают Рейн, а сама река

на 400 лет становится северо-западной границей Римской республики.

В новом территориальном образовании прирейнский район стремительно развивается, активно растёт благосостояние местных жителей. В течение I века до н. э. был основан целый ряд значимых и сейчас городов: Кёльн, Бонн, Висбаден, Вормс, Кобленц, Констанц, Майн, Страсбург, Трир, Базель. Каждый из них являлся весомым центром для торговли, культурной и политической жизни в регионе.

Пришедшие на эти земли римляне стали быстро налаживать торговые отношения с местными племенами. Для обеспечения транспортировки товаров прокладываются дороги, выкапываются каналы, строятся порты и склады. Самые значительные из них расположены на территории современных Нидерландов. Например, в устье реки Шельды возник город Домбург, из которого предприимчивые и смелые купцы делали челночные рейсы в Кёльн, Бордо и на Британские острова. Таким образом происходило укрепление внешних связей, развитие инфраструктуры и предпринимательства в регионе. Чтобы оградить империю от набегов германцев, римляне приступили к организации линии обороны по линии стыка двух рек: Рейна и Дуная. Примерно от середины правого берега Рейна до верхнего Дуная протянулась

на более чем 550 км укрепленная полоса с опорными пунктами и воинскими гарнизонами — так называемый римский лимес, северная граница Римской империи. Именно с тех пор принято считать Рейн главной рекой европейской цивилизации от Швейцарии до Бенилюкса. Таким образом Рим выстроил вокруг Рейна не только стены, дороги и сделал речной путь безопасным — империя дала колоссальный толчок робким до этого попыткам купечества доставлять товары со всей материковой Европы до дальних, самых западных границ владычества римлян — Британских островов.

Британия стала рынком для ремесленных изделий со всей империи, особенно для торговли керамикой из Галлии; на острова хлынули римская торговля и деньги, начали зарождаться международные купеческие связи и интерес к заморским рынкам. Римляне строили дороги и порты как в военных, так и в сугубо торговых интересах. В припортовых городах, как правило, ремесленная и торговая жизнь шла и до римлян, однако с приходом римлян она стала интенсивней. Однако ремесленные изделия утратили характерную индивидуальность; только в Уэльсе и на севере сохранился самобытный кельтский орнамент. Развивается добыча металлов: олова, свинца, серебра, золота, меди, железа; идет работа на соляных коях. С при-

бытием римских купцов происходит и романизация существовавших поселений через торговлю и управление, устройство колоний с римскими гражданами, также названия британских городов с окончаниями на «-честер» и «-кастер» говорят о их былой связи с римскими лагерями.

Римляне построили прекрасные дороги. Важнейшими дорогами, расходившимися от Лондона, были: через северный Кент к кентским портам; на запад к Бату и далее к южному Уэльсу; к Веруламию, Честеру, с ответвлением на Уэльс; на северо-восток на Камулудун; до Бата и Экзетера. Были и дороги чисто военного назначения вдоль всего побережья: в Уэльс, от Йорка на север с ответвлением до Карлайла и дорога от Честера на север. Навигация между Британскими островами и континентом осуществлялась через кентские порты с одной стороны и порты в устье Рейна с другой. Сторожевую службу на море нёс римский флот (*Classis Britannica*), он же преследовал пиратов. С середины I до конца III в. стоянка его судов была в порту Булони. Торговые связи крепили.

В конце III века вместо флота была создана система береговой обороны: 9 фортов в гаванях от залива Уош до острова Уайт имели конно-пешие гарнизоны для отражения пиратских нападений. Саксонские набеги вскоре прекратились, но с 343 г. нача-

ли приходить пикты на севере и скотты из Ирландии. Эти разорительные нападения предвещали угасание римской Британии (343–383 гг.).

После окончательного ухода римлян в 407 г. кельты римской Британии были фактически предоставлены сами себе на протяжении полувека и постоянно развязывали обширные междоусобные конфликты. Кельтские вожди приглашали на службу в дружины представителей германских племен с континента: англов, саксов и ютов. Такие дружины, остававшиеся на зимовку в Британии, и были первыми завоевателями. Достоверных сведений о том, как именно началось крупное вторжение, нет. Те же известия, которые до нас дошли, очень скудны и носят полуполегендарный характер.

В боях 571, 577 гг. были убиты три короля кельтов и взяты Глостер, Сайренсестер и Бат, а к VII в. кельты были окончательно разгромлены и завоевание основной территории острова германскими дружинами англов, саксов и ютов было завершено. Образовался ряд мелких англосаксонских королевств. В результате борьбы между ними сложилось семь наиболее значительных: Эссекс, Суссекс и Уэссекс — саксонские, Нортумбрия, Мерсия и Восточная Англия — королевства англов, и, наконец, ютский Кент. Именно поэтому VII–VIII вв. принято называть эпохой

гептархии, то есть семикоролевья. Большой интерес для характеристики общественных отношений англосаксонских королевств того периода представляет «Сага о Беовульфе» — эпос, ядро которого возникло, очевидно, где-то в VII–VIII вв. Сага проникнута языческим духом и отражает весьма архаичные отношения, свойственные германским племенам эпохи переселения их на Британские острова. Позднее, в IX веке, эти семь королевств объединились под главенством Уэссекса в единое королевство Англия.

С конца VIII в. на Британские острова начались набеги данов — собственно датчан и норвежцев. Тех и других обычно называют норманнами.

Волны массированных скандинавских набегов делали торговлю Британских островов с материковой Европой практически невозможной, установленные ранее купеческие связи разрушились, а маршруты после ухода Рима стали небезопасны. Только спустя долгие века, после окончательного норманнского завоевания Англии и установления классической формы феодализма резко усилилась ориентация на континентальную Европу и вовлеченность Англии в европейскую политику. В относительной безопасности, через пролив, в оба конца снова пошли торговые суда, прокладывая тропинку для идущей по стопам купцов-одиночек Ганзе.

После увядания и распада Римской империи Британские острова претерпевали свои внутренние метаморфозы достаточно стремительно, однако и в материковой Европе процессы переформатирования политических контуров были не менее интересны.

Одно из первых упоминаний о германцах римским летописцем Тацитом относится к 98 году. В III–IV вв. на землях континентальной Европы население племен от среднего течения Рейна до побережья Северного моря объединяется в племенной союз, став впоследствии германским народом франков. Они регулярно беспокоили нападениями римскую Галлию, выходя и к торговым путям империи. Первым королем всех франков стал Хлодвиг (481–511), происходил он из рода Меровея, поэтому его потомков-королей называют Меровингами, а период их правления с конца V по конец VII века — меровингским. Однако после его кончины единое королевство разделяется на части и начинается время междоусобиц, а фактическая власть переходит к управляющим королевским двором — мажордомам, наследник одного из которых — Карл Мартелл — и становится родоначальником следующей после угасания Меровингов королевской династии Каролингов, правящей Франкским государством с 751 по 987 год. Пиком могущества можно считать провозглашение папой римским Карла Великого

императором. Но в 843 г. империю ждал раскол на три части по результату Верденского договора: на Восточно-Франкское королевство (будущая Германия), Западно-Франкское королевство (будущая Франция) и Италию. На троне в Германии преемниками Каролингов стали представители Саксонской династии (они же Оттоны), просуществовавшей чуть более века, вплоть до 1024 г.

При правлении Оттонов к немецкому двору были приглашены многие иностранцы. В эту эпоху были составлены важные для истории X в. летописи; в возникающие и крепнущие города переносилась со всей Европы культура старых римских городов по Рейну и Дунаю. Были построены прекрасные храмы и монастыри. В городах возникли ремесленные цеха различных видов, в которых внедряется разделение труда; города становятся центрами торговли между регионами. Эти сферы берут в свои руки специалисты (Харитонович, 1999, 118–124).

В уцелевших письменных документах за IX–X вв. встречаются упоминания о заморских диковинных и ценных подарках купечества местным градоначальникам в обмен на первые милости и привилегии. В этот период улучшилось земледелие, развилась промышленность, городская жизнь и, конечно, торговля. Немецкие купцы активно торговали с соседями, начиная образовывать

первые содружества и объединения в гильдии. Наиболее смелые мореплаватели в это турбулентное для международных отношений время продолжали ходить к Британским островам. Но риск не гарантировал успеха таких экспедиций.

К XII–XIV вв. германские земли постепенно вошли в состав тех или иных немецких государственных образований, составлявших так называемую Священную Римскую империю. Всю свою историю империя оставалась весьма децентрализованным сложным организмом, объединяющим несколько сотен территориально-государственных субъектов со сложнейшей феодальной иерархической структурой. Во вновь возникших городах на местах древних римских городищ по берегам Мааса, Мозеля, по водам которых транспортировались товары, формируются рыночные площади, как раньше при римлянах. Города в этом децентрализованном государстве начинают играть ключевую роль, становясь тем самым важным плацдармом, где и зарождается постепенно Ганзейский союз, защитная структура которого так нужна странствующим купцам. При морских переходах им было необходимо держаться в непосредственной близости от берегов, опасаясь открытых ветров и штормов, но это в свою очередь делало их хорошо заметными для прибрежных жителей, остававшихся вне тор-

говых маршрутов и охочих нажиться за счет труда чужого поселения или города. Пиратство удастся победить (хотя и не полностью искоренив) лишь объединенному Ганзейскому союзу много веков спустя.

Главным центром торговли в прирейнском регионе становится город Кёльн, выгодно расположившийся на пересечении существовавших торговых путей. Кёльнские купцы также первыми формируют содружество в Лондоне, на базе которого через века будет основан Гильдхолл Ганзы. Сохранившиеся редкие документальные свидетельства сообщают об установившейся еще в VIII в. стабильной торговле между Британскими островами и западной материковой Европой (Sartorius, 1830, 6). Задолго до появления осязаемых контуров Ганзейского союза выходцы из Кёльна торговали на рынках Британских островов, проникая все глубже как территориально, так и по части социальной значимости среди местных дворов.

Все торговые связи, а также некоторые персональные привилегии, унаследованные многим позже Ганзой, формировались на протяжении длительного времени и с большим трудом. Некоторые прибрежные города Британских островов, будучи недружелюбно настроенными к пришлым, так и не стали приветливыми гаванями для купцов с материка, пытавшихся завязать торговлю и обосновать

рынки во всех значимых портовых городах. Опять же, колоссальные поборы и политические разногласия с соседями местных властей ставили странствующих купцов в уязвимую позицию, увеличивая и так значительные риски самой профессии.

Поначалу остававшиеся вне морских торговых маршрутов центральные германские города также заслужили свое место не сразу, выступая в основном в роли мастерских, сдававших продукцию северогерманским перекупщикам для дальнейшей реализации. Только к X веку успешная торговля позволила некоторым отдельным купцам с побережий Рейна отправляться самостоятельно на запад. Рейнское вино, довольно быстро зарекомендовавшее себя, привозилось на Британские острова кёльнскими купцами и активно продавалось еще задолго до Ганзы. Также популярностью постоянно пользовались разнообразные украшения, скандинавские товары.

Купцы, еще вчера заинтересованные во всеобщем объединении от грабежа пиратов и поборов князей, постепенно обособляются вокруг личных задач. Индивидуальные цели недавно объединившихся ганзейцев могли сильно различаться вплоть до противоположности в зависимости от ареала их торговли. Ведомые экономическими интересами политические центры постоянно переходят

и меняются, только лишь направление торговых артерий остается неизменным на протяжении веков.

Стоит упоминания важный факт, что новые, наиболее развитые центры ремесел возникли не в непосредственной близости к источникам сырья, а в зависимости от цехового производства, то есть от существования в регионе цеха, имеющего привилегии в покупке сырья и продаже готовых продуктов, наличия квалифицированной рабочей силы. В промежуток со второй половины XI до конца XIII в. население Европы бурно растет преимущественно в городах из-за нововведений в агротехнике и соответственно излишков продукции в сельском хозяйстве. В города на ремесленные работы переселяются целыми деревнями, иногда это происходит по принуждению. Со второй половины XII в. городское общество стремится организовать человеческие отношения более строго, устанавливает более четкие границы и правила, допуская только постепенные и законные преобразования. Города обрастают стенами, служащими границей с окрестностью как в оборонном смысле, так и в правовом.

С начала формирования Ганзейского купеческого союза в XII веке и его развития к концу XIII века как союза купеческих городов в союз входили все новые города, имеющие

автономное городское управление («городской совет», ратушу) и собственные законы. А для выработки общей стратегии торговли, правил, цен и законов внутри союза представители каждого из городов регулярно собирались на съезды Ганзы в Любеке. Так же, как результат, образуются четко регламентированные правилами и договорами содружества и поселения купцов вдали от родных городов, во главе которых стоят *конторы*. *Контор* — иностранное торговое поселение Ганзейского Союза (если буквально: «офис»). Обычно контор — признак крупного торгового города — члена Ганзейского союза. Так, Лондонский контор являлся главным центром управления торговлей и связи с английской короной. До упрочнения позиций Ганзы в Англии практически безраздельно зарубежный рынок держали купцы из Кёльна, торговые привилегии и выгодное географическое положение позволяли представителям рейнско-вестфальской местности провозить по рейнской торговой магистрали разнообразные товары со всей материковой Европы. Также Кёльн являлся вторым после Фландрии по потреблению английских экспортных товаров.

Лишь в 1282 году города Любек, Висбю и Рига формируют костяк Ганзы, что постепенно приводит к окончательному признанию купцами Кёльна, все еще наиболее

влиятельной группировки немцев в Англии, номинального лидерства города Любека в Ганзе. Тогда же Ганза Восточной Земли стала по праву настоящей немецкой Ганзой (Ellmers, 1985, 38). Любек с 1226 г. обладает единообразным городским правом и подчиняется непосредственно королю и императору Священной Римской империи Фридриху II. Для города это относительная автономия и преимущества в торговле, но вместе с тем и ответственность за безопасность. Поэтому существовала обязательная караульная служба для каждого жителя города. Все, включая женщин, следили за состоянием стены и охраняли ее границы. Так, согласно преданию 1447 года, осажденные стены города Зоест защищали его жительницы, состоявшие в карауле, а во время осады наемниками кёльнского архиепископа Дитриха Мерсского обливали нападавших с крепостных стен кипятком из кастрюль. Показателем успешности неофициальной столицы Ганзы можно назвать тенденцию, по которой спустя лишь век активной вовлеченности Любека в торговлю все главные улицы города начинают пестреть каменными строениями вместо деревянных. Фронтоны таких зданий скрывали обширные складские площади в городских дворах. Отсюда организуются перевозка и сбыт товаров купцом, теперь уже лично не сопровождавшим свои товары, а заседавшим в обширном

кабинете или писчей комнате в вестибюле своего дома. Новый подход к руководству фирмой заключался в том, что все хозяйственные дела отныне регулировались купцом в письменной форме.

До XIII в. все риски по покупке, доставке, реализации товара и уплаты пошлин на местных рынках ложились на плечи индивидуального предпринимателя, пусть и принадлежавшего к какой-либо гильдии, но позже зарождается совместная торговля. Это так называемое «вкладное товарищество» (с немецкого *Wiederlegung*) было наиболее распространено, риск делился среди двух партнеров с четко разделенными обязанностями. Название подразумевало, что что-то вкладывалось в обмен на что-то другое, для правовой гарантии товарищество регистрировалось в городской книге, оба компаньона вносили капитал в соотношении 1:1 или 1:2. Далее активный компаньон занимался ведением капитала, пассивный же компаньон, лишь внесший капитал в долю товарищества, являлся негласным партнером и не участвовал в реализации товаров и их доставке до потребителя. Активный компаньон, как правило, более молодой, вел дела от своего имени и отправлялся в торговые поездки. По истечении срока торгового договора между партнерами происходил расчет; если вложен был капитал в соотношении 1:1, то при-

быль делилась поровну, активный партнер не получал, как мы бы сейчас назвали, «зарботной платы» за время и труды. Если же товарищество оставалось в убытке, то распределялся он среди партнеров согласно их доле в общем капитале. Таким образом преимущества вкладного товарищества дали сильный толчок купеческому делу, позволяя расширить объемы проводимых операций, рассчитывать на больший, чем ранее кредит, уменьшая при этом риск банкротства.

От «Ганзы купцов» к «Ганзе городов»

Метаморфоза «Ганзы купцов» в «Ганзу городов» не должна быть истолкована превратно. Организация всегда оставалась по существу тем, что задумывалась изначально — сообществом общих коммерческих интересов. В связи с крупным кризисом в 1469 году Ганза даже пыталась наглядно объяснить английской короне суть истинной природы Лиги. Контор тогда писал в обращении, что Ганзейский союз — это «прочная конфедерация (*confederatio*) множества торговых городов, поселков и общин с целью обеспечения того, чтобы деловые предприятия на суше и на море имели желаемый и благоприятный результат для всех сторон и для существования механизмов эффективной защиты

от пиратов и разбойников с большой дороги с тем, чтобы разбой не лишал торговцев их товаров, ценностей и жизней» (Dollinger, 1970, 411–413).

Можно было бы, конечно, добавить сюда, что Ганза также существовала для того, чтобы различные князья и графы децентрализованных государств того времени не обременяли торговлю все новыми необоснованными налогами и не втягивали купцов против их воли в свои политические игры. Но это, естественно, осталось за рамками определения, данного королю. Большая часть рассматриваемого документа была занята объяснением того, чем Ганза не была и чего ей не нужно приписывать, и часто отмечалось, что это легче сделать, чем объяснить, что же это было. Хотя Ганза и была конфедерацией или «своего рода союзом», если воспользоваться другой фразой из объяснения 1469 года, у нее не было ни общей собственности, ни казны, ни печати, ни постоянных чиновников (до середины XVI века), ни общего флота.

Однако стоит помнить, что к XIV веку Ганза, как относительно аморфное целое, начинает распадаться на ряд более мелких союзов заинтересованных групп, каждый из которых обладает определенной автономией и своими собственными экономическими интересами и предпочтениями в основных направлениях своих торговых маршрутов.

В конечном счете вопрос повиновения лежал на отдельных торговцах, но с диссидентами можно было разбираться на уровне местного контора или же формировать подачу жалобы на предстоящем совете Лиги (*diet*). Санкции для нарушителей включали штрафы и высылку отдельных лиц из стран, где они торговали, но мало что можно было сделать в отношении крупномасштабного неповиновения, попустительствуемого родным городом повстанцев. Так, изгнание самого города из Ганзы было санкцией последней инстанции и редко применялось. Самым известным случаем было изгнание Кёльна в 1474 году из-за его отказа поддержать другие города в их недавнем конфликте с Англией. Также число городов самой Ганзы колебалось в более поздние годы, когда все новые города принимались в союз, а другие выбывали, часто в результате явного безучастия с их стороны в жизни Ганзы. Именно поэтому сейчас уже невозможно точно сказать, сколько городов или какие были членами в то или иное время. Это объясняется тем, что сама Ганза редко составляла списки членов и решительно выступала за нераспространение этой информации вовне, справедливо опасаясь ограничительных последствий со стороны местных властей, появившись у них такие списки. Так, например, Доллинджер считает, что в целом было около семидесяти действительно

активных членов и около ста других, которых он называл пассивными членами Ганзы (Dollinger, 1970, 418). Лишь очень малая часть из них когда-либо занималась прямой торговлей с Англией. В позднесредневековой Германии князья не оставляли попыток подчинить вольные торговые города. Не имея собственной государственности, то есть политического суверенитета, Ганза также была вне устройства империи. Такие города, как Любек и Дортмунд, которые гордо несли статус свободных имперских городов, занимали места в Высшем Имперском Совете, но они выступали там фигурами самостоятельными, не как представители Ганзы. На тот момент на протяжении большей части своей истории Ганза попросту игнорировала империю, а в ответ императоры игнорировали ее. Лишь только к концу шестнадцатого века Ганза обратилась к империи за помощью, когда их интересы пересеклись. Купцы просили императора вступить за них в спорах с английскими купцами-авантюристами, чья коммерческая политика и практика наносили ущерб не только Ганзе, но и интересам империи в целом. Но, несмотря на явную поддержку ганзейских купцов высшими сословиями, император еще долго отказывался вводить заградительные меры для английской торговли внутри империи. В то время Ганза была неспособна справиться самосто-

ательно с английскими конкурентами на своих землях.

Ганза как организация не имела никакого отношения к политическим программам или политике того времени, ее полностью или в значительной степени интересовали отношения, коммерческие по своему характеру. Но и в этой сфере союз не спешил сотрудничать с посторонними. Вполне естественно, что каждый отдельный город также мог иметь свои некоммерческие интересы и поэтому иногда они объединялись с другими городами для их достижения, вне зависимости от того, состоял ли этот временный союзник в Ганзе или нет. Характер отношений Ганзейских городов с Англией был ограничен исключительно коммерческими вопросами. Так, например, в противостоянии с Францией Англия не могла рассчитывать на Ганзу в военно-политическом плане, как она рассчитывала на графа Фландрии и князей Рейнских (а затем на герцога Бургундского или императора). Чисто политический союз между Англией и Ганзейским Любеком мы видим лишь во времена правления Генриха VIII. Да и то, Любек выступил тогда самостоятельно, а не как лидер или член Ганзы. Также Англия пыталась позже заручиться сотрудничеством, хотя и не активной военной поддержкой, от Гамбурга в отношении кампаний в Шотландии и Ирландии. Но, опять же, это были частные случаи,

их нельзя назвать чем-то, что вовлекало Ганзу в целом. Однако, подчеркивая, что отношения между Англией и Ганзой носили чисто коммерческий характер, нельзя не учитывать тот факт, что это подразумевало гораздо больше, чем простой обмен товарами. Все споры относительно торговли, перечня товаров или их налогообложения всегда поддерживались переговорами дипломатического характера; редко нарушение торговых норм приводило к вооруженным конфликтам. И только один конфликт (1468–1474) принято считать войной. Поскольку все конфликты были коммерчески мотивированы, они не относятся к той же категории, что и борьба за власть между Англией и Францией, которая в основном была связана с контролем над территорией. Их также не следует приравнять к англо-голландским войнам XVII века, так как, несмотря на их экономические предпосылки и конкурентное противостояние, войны эти явились результатом противоречивой национальной политики, поддерживаемой правительствами. Англо-ганзейские войны явились лишь побочным продуктом локальных пиратских актов, никак не государственной политикой Англии, хотя и степень соперничества между ганзейцами и английскими купцами в Средние века сложно отрицать. Ганзейские конференции (*Hansetag*) носили чисто экономический характер, где шла речь

о торговле, пошлинах и торговых привилегиях, тогда как английскому правительству представлялось решать более широкий круг задач, где экономические вопросы не всегда имели первостепенное значение.

Эдвард Миллер, противопоставляя Англию и Францию, писал, что в случае с Англией «торговля шерстью и тканями с Ганзой обязательно приведет в конечном итоге к чему-то вроде национальной экономической политики» (Miller, 1963, 291). Но черты ее формирования становятся видны только после правления Эдуарда IV. Да и то, только прагматичный расчет в отношениях, враждебность же к Ганзе мы можем наблюдать позже, когда в 1517 году кардинал Вулси (*Cardinal Wolsey*) явно указывает на Ганзу как на силу, не способствующую экономическому благосостоянию его страны. Однако взаимодействие между английским правительством и Ганзой закономерно эволюционировало до того, что можно было назвать экономической политикой. Ведь контакты между немецкими купцами и короной начались сразу же, как только первые купцы начали посещать Англию, и постепенно усложнялись. Позже, когда английские купцы начали бывать в землях, подконтрольных Ганзе, они запросили торговых привилегий, подобных тем, которыми пользовались все это время ганзейцы на английской земле. Когда же им было от-

казано, они обратились к своему правительству с просьбой поддержать требование. Процедура переговоров английских купцов с Ганзой подразумевала участие и английского правительства, но не от имени купцов, а скорее, во вспомогательной роли. Ведь только власти могли накладывать санкции на заморских купцов. И хотя интересы частных купеческих предприятий не нужно было подчинять внешней политике, зачастую корона вставала на сторону своих подданных, хотя это еще и не было частью национальной экономической политики. Также имело место участие странствующего купечества в разведке в пользу своего правительства, благо ресурсов у властей было достаточно для подкупа и добычи нужной им информации.

Окончательное формирование Ганзы Городов подводило черту под прагматичными отношениями купец-купец, на смену которым пришли достаточно агрессивные отношения английского правительства и Ганзейского собрания (*Hanse diet*). В результате постоянного нажима на власти и лоббирования английскими купцами-авантюристами, соперничавшими с Ганзой в международной торговле, привилегии ганзейских торговцев того или иного города-члена часто ставились под сомнение, пересматривались или вовсе отменялись. А в ответ на изгнание английских купцов-авантюристов из немецких портов

Лондон вовсе закрыл в 1598 г. столичный ганзейский контор. Это был не только очевидный удар по престижу Лиги, но и примечательный факт того, что Англия больше не воспринимала отдельных купцов за решающих что-либо субъектов, а все договоренности отныне заключались с Ганзейским сеймом, как централизованным органом управления некоего государства.

Представляется важным пояснить тезис, что Ганза купеческая очень постепенно эволюционировала и выросла в Ганзу городскую. Ганза купеческая раннего периода и все ее коллективные привилегии, по-видимому, использовались всеми германскими купцами, кто торговал за рубежом. На более позднем этапе членство было ограничено определенными городами; в действительности это были сами города, а не отдельные торговцы, которые теперь стали членами Ганзы и представителями своих городов. Перемены хорошо заметны на примере изменения экономического климата позднего средневековья. С одной стороны, странствующие торговцы были вытеснены или, по крайней мере, сильно разбавлены теми, кто управлял своим бизнесом по доверенности, оставаясь при этом в собственном городе. С другой же стороны, потребовались гораздо большие коллективные усилия и затраты для защиты торговых и коммерческих привилегий, которые были

установлены ранее по всей Европе. А к середине XIII века мы видим попытку местных купцов Готланда забрать у купеческого сообщества прибывших ганзейцев существовавшие торговые льготы.

Основанием «Ганзы городов» Ф. Доллинджер предлагает считать самый первый *Hansetag* (конгресс городов Ганзы), который состоялся в 1358 г. в Любеке, где и произошло рождение союза как политической силы (Dollinger, 1970, 45–82, 86, 89). Ахасвер фон Брандт (*Ahasver von Brandt*), признавая явные изменения в конце XIII века, настаивает на медлительности перемен. По его мнению, «даже во второй половине XIV века „торговец Ганзы“ не обязательно является гражданином города — члена союза, а ганзейским городом может называться тот город, чьи граждане занимаются внешней торговлей и свободно пользуются торговыми привилегиями. Персонафикация Ганзы Городов начинается позже» (Ahasver von Brandt, 1963, 9–38). Также он делает важное замечание о том, что города, впервые отождествив себя с ганзейским союзом в 1358 году на первом *Hansetag*, использовали не термин «ганзейские города», а «городки немецкой Ганзы» (*Stede van der dudeschen hense*). Название же «города Ганзы» (*hense stede*) окончательно устанавливается лишь на рубеже веков, свидетельствуя о завершении перехода.

Здесь уместно привести краткое изложение взглядов еще одного крупного исследователя Ганзы фон Брандта. Он предлагает достаточно адекватную периодизацию возникновения «Ганзы купцов» в четыре условных этапа. Этот анализ помогает прояснить загадочное утверждение еще одного исследователя Фритца Рёрига о том, что «вначале было целое [Ганзы], затем части».

Первый этап развития и преобразования Немецкой Ганзы фон Брандт ассоциирует с укоренением Лиги на побережье Балтийского моря. На протяжении нескольких веков в раннем Средневековье именно Балтика была главным торговым путем между Восточной и Западной Европой. С запада пришли сначала фризы, а затем люди из других частей Нидерландов и Рейнской области. Сами они редко заплывали далеко по Балтике, так как товары им привозили скандинавские и славянские купцы. Ситуация изменилась в 1159 году, когда в устье реки Траве в самом юго-западном углу Балтики был основан город Любек. Город был заселен главным образом западногерманскими купцами, которые получили возможность выхода в море на своих совсем недавно разработанных коггах, судах, которые оказались превосходящими скандинавские и славянские корабли по грузоподъемности и степени защиты от нападений морских пиратов.

Немецкие историки давно подчеркивают значение готландской купеческой общины, но для фон Брандта неотъемлемой частью второго этапа в его системе является начало германского соприкосновения со Сконе (Скания; Сконеланд; швед. *Skåneland*), историческим регионом на юго-западной оконечности современной Швеции. Каждую осень этот регион обеспечивал самый урожайный промысел сельди в Европе, а дальнейшая реализация завяленной рыбы служила основой для поиска более крупных ярмарок, на которых со временем стали доминировать ганзейские купцы. Указание фон Брандтом на особую роль Сконе в развитии Ганзейского союза является важным напоминанием исследователям, поскольку часто упускается из виду тот факт, что, когда два столетия спустя уже английские купцы стекались в Прибалтику, именно Сконе поначалу привлекла их внимание, задолго до Пруссии. И на первых этапах именно англо-ганзейские связи делали такую торговлю возможной.

Третий этап в условной периодизации фон Брандта эволюции Ганзы начинается около 1200 года и длится до 1250–1270 годов, предусматривая создание зарубежных форпостов Ганзы (контор). Важность этапа частично заключалась в основании новых городов, таких как Рига (1201), Ревель (1219) и Дерпт (1224), которое сопровождалось культурной экспан-

сией в сторону языческих племен северо-восточной Балтии. Другим важным элементом было наращивание объемов торговли и приобретение торговых привилегий в регионах, где не могло быть речи о завоевании или массовом заселении: в Новгороде в России, в Бергене в Норвегии, в Швеции, Фландрии и, конечно, в Англии.

Заключительным четвертым этапом развития было основание городов на южном берегу Балтики, от Висмара до Кёнигсберга в провинциях Мекленбург, Померания и Пруссия. Хронологически этот этап был параллелен третьему, но концептуально он обособлен фон Брандтом.

Исследователь признает, что готландская община была важным ядром в формировании Ганзы, но утверждает, что идея купеческой Лиги зачата не в Готланде через некоторое время после 1161 года (второй этап фон Брандта), а при основании города Любека. Основание своего столичного города для объединения сил купечества было важной вехой в становлении лиги. Община образовалась между двумя группами поселенцев-выходцев из крупных вестфальских городов, таких как Зоест и Дортмунд, которые до сих пор торговали только лишь на суше с морями, прибывшими из Шлезвига. Теперь же они объединили силы для торговли на Балтике.

Города Ганзейского союза находились в условных четырех зонах: западный Балтийский район, возглавляемый Любеком; район Рейнской области, возглавляемый Кёльном; Саксонский район, возглавляемый Брюнсвиком; район восточной Балтики, возглавляемый Данцигом (Гданьском). Нечастые встречи проходили между представителями городов для обсуждения общей политики и стратегии гильдии. Эти конференции, известные как *Hansetags*, обычно проходили в Любеке, который стал по сути негласной «столицей» негласной Ганзейской «империи».

Судоходство Ганзы

Морские предприятия лежат в самом сердце Ганзейского союза, недаром судовладельцы являлись одними из самых влиятельных людей того времени. Однако право собственности на судно могло делиться на несколько человек, вложившихся в его постройку (известно, что одно судно могло иметь 64 совладельца). Люди были вовлечены практически из всех классов, следовательно, все население морского города имело непосредственный интерес в содержании и обслуживании значительного флота, успешности торговых морских походов. Также у северной Германии было преимущество в обладании огромным рыболовным флотом, из экипажей которого

моряки могли быть завербованы на торговые суда союза.

Учитывая такую обширную и интенсивную морскую торговлю, вряд ли удивительно, что несложные по конституции маяки начали строиться как минимум в начале 13 века по всему морскому побережью. А каналы между побережьями и основными гаванями были также отмечены буями, в то время как опытные морские лоцманы предлагали свои услуги для прохода через трудные воды. В 1447 году Лига сделала использование аккредитованных лоцманов обязательным; эта мера была введена не только для непосредственной безопасности вовлеченных судов, но также и для гарантий проходимости важных каналов — чтобы они не были заблокированы обломками. Такой же по значимости акцент был сделан на укреплениях, в северной Германии обычно их возводили из кирпича по той же строительной традиции, что и знаменитые бэкстейнготические (*Backsteingotik*) соборы и сооружения юга Прибалтики.

Однако, несмотря на значительные усилия и расходы на защиту своих торговых путей и инфраструктуры, Ганзейский союз никогда не имел своей собственной армии или флота; каждый отдельный торговый город обладал собственными военными силами. Лига всегда предпочитала использовать дипломатию,

альянсы и экономическое давление против своих соперников.

Эта глубоко укоренившаяся ганзейская политика была обобщена уроженцем Дортмуда и мэром Любека Генрихом Касторпом, который в 1447 году сказал: «Давайте вести переговоры! Ибо легко привязать вымпел к столбу (то есть поднять знамя войны), однако очень тяжело его снова спустить с честью» (Neumann, 1957, 54).

Когг (от древне-германского *Kugg, der Koggen* — выпуклый) — средневековое, первоначально одно-, в XV в. двух- и трехмачтовое палубное мореходное судно с высокими бортами, оснащенное прямым парусом площадью 150–200 метров.

Согласно реконструкции поздних образцов коггов XIV века, экипаж, вероятно, состоял из не менее одиннадцати человек на борту. В состав экипажа входили шкипер, штурман, повар и матросы. Хозяин когга, зачастую сам некрупный купец, выполнял роль шкипера. Кормовым румпелем управлял штурман. Паруса, такелаж, сброс и подъем якоря были на ответственности матросов.

Попутный ветер подразумевал непрерывную работу всего экипажа, безветрие же сулило простой и ожидание. Когги ранней конструкции не позволяли ходить против ветра — при сильных порывах ветра с моря

существовала опасность быть прижатым к берегу, поэтому при планировании и расчетах маршрута было обязательным продумать надежные места стоянки на случай неблагоприятного ветра.

Но когг был хорош не всюду. Водный торговый путь на восток пролегал через все Балтийское море, оканчиваясь Финским заливом и рекой Невой, далее по южной части Ладожского озера и реке Волхов. Крупные и маломаневренные когги никак не годились для прохождения скалистых рифов озера и опасных порогов реки. Поэтому товары перегружались в русские речные ладьи еще на Неве, за что купцы платили по заранее установленному тарифу.

Из-за того, что балтийские порты имели тенденцию быть мелкими и часто заиленными, другое правило регулировало максимальный размер кораблей, входящих в гавань; ганзейское морское право было очень конкретным там, где это касалось судостроения. Существовал ряд правил берегового права, касающихся грузов потерпевших крушение кораблей, регламентирующих перегрузку с судна на судно и направленных на борьбу с пиратством. Позже особые правила были выпущены отдельными городами, как, например, в 1440 году, когда Гамбург ввел обязательное наличие военной техники на борту его судов. Дисциплина регулировалась

должностными лицами на борту аналогично по правилам, разработанным «адмиралтейством» Гамбурга и другими ганзейскими городами для своего внутреннего пользования. Тот факт, что все суда, кроме самых маленьких, были способны защитить себя от пиратов, означал, что при надобности их модификация для военных действий была простой, в то время как наличие строгих регулирующих правил было полезно и во время торговых морских походов.

Хотя Ганзейский союз и был доминирующим игроком на море, он сохранял тенденцию к консерватизму, перенимая новые морские идеи и технологии лишь после того, как они хорошо зарекомендовали себя в другом месте. Хотя морские карты и не использовались в Северной Европе до конца средневековья, ганзейские моряки уже применяли так называемые морские записи (*Seebuch*) с XIV века и далее; они содержали информацию о приливах, каналах, портах, местонахождении маяков и других важных прибрежных ориентирах, на протяжении всего пути от Руси до берегов Испании.

Сборы и командование

Организация и дисциплина, которые поддерживали ганзейскую торговлю, также могли влиять на ганзейскую военно-морскую мощь. Лига могла собрать существенные

флотилии в согласованное время и место, набирая стратегическое преимущество и так добиваясь победы в морских столкновениях. Однако у военно-морских возможностей Ганзы имелись недостатки. Ганза имела шансы на победу только при столкновении с равными по силе противниками, испытывавшими недостаток в количестве кораблей или организованности. Пираты, мобильные за счет того, что обладали малым числом судов, оставались основной проблемой для северогерманских морских городов, особенно в течение XIV века.

Морские сражения

Во многом эта военная система удивительно похожа на современную, однако средневековые морские сражения, как правило, были исключительно безжалостными и жестокими. Поражение в бою с пиратами почти всегда означало верную смерть, так как они редко брали пленников. Поэтому на борту корабля боролись все, включая пассажиров и торговцев, а проявленная решимость в отпоре могла заставить пиратов отступить. С другой же стороны, и пираты не могли ожидать пощады в этой борьбе.

Каждый ганзейский корабль был хорошо снабжен достаточным количеством боеприпасов как из-за постоянной угрозы пиратства,

так и из-за ведущихся войн, когда правила о ношении оружия гражданскими лицами игнорировались. Например, во время финальной фазы Ганзейско-Датской войны, с июля 1368 года, немецкие морские города продолжали торговать как обычно, но был дан приказ гражданам путешествовать в полном вооружении. До внедрения огнестрельного оружия вооружение на борту кораблей было по существу таким же, как и в войсках на земле. Арбалеты были повсеместно; они уже были распространены в Прибалтике в 1217 году, когда, по сообщениям, немецкий священник из Латвии пользовался арбалетом во время морского сражения у шведского острова Эланд.

Речные операции

Зачастую мало внимания уделяется особенностям ганзейской речной коммерческой и военной истории. Но упускать из виду торговлю по рекам невозможно из-за их стратегического значения, так как безопасность основных речных маршрутов, связывающих города — члены союза, была насущной проблемой ганзейского общества. Многие расположенные на реках города, входящие в Ганзу, возле устьев рек или дальше внутри страны выработали вполне обоснованные даже по современным меркам правила. Так как речное судоходство было почти так же важно, как

свободное передвижение по морям, города стремились запретить выбрасывание корабельного балласта или мусора за борт; особенно это касалось узких каналов и устьев рек.

Эти материковые водные магистрали также использовались и в военное время для перевозки войск. Так, в 1474 году один из главных ганзейских городов Кёльн послал 4000 солдат на помощь небольшому городу Нойс (*Neuss*) для противостояния нападению мощной армии Герцога Бургундского.

Резюмируя, можно сказать, что ганзейская торговля потребовала появления концептуально новых транспортных средств, выполнявших универсальную торгово-боевую функцию. Новый тип корабля как обладал высокой грузоподъемностью, так и способен был выполнять сугубо военные функции и был отлично приспособлен к самообороне. Этот тип транспортно-боевого судна в дальнейшем с успехом использовался для торгово-экономических, боевых, блокадных операций ганзейцев, касавшихся Британских островов.

Налоги и привилегии в Англии для Ганзы

Податной сборник Биллингсгейта (*Billingsgate tolls*) указывает на то, что германцы или же «подданные императора» (*homines im-*

peratoris) торговали в Англии еще примерно в 1000 г. н. э. (Robertson, 1925, 70–73). В дополнение к обычным городским податям они платили королю определенные рождественские сборы на Рождество и Пасху, за которые он гарантировал им защиту их имущества наравне с местными жителями. В то время платился единый налог (*eschawinge* – приблизительно переводится как «приезжий») на все разновидности товаров, который вносился в податной сборник Биллингсгейт.

Несмотря на отсутствие явных письменных доказательств вплоть до царствования Генриха II, преобладание немецкого вина в регионе в XI – начале XII века явно указывает на преуспевание немецких купцов из Кёльна. Дошедший до нас приказ Генриха II разрешает купцам из Кёльна продавать вино на тех же условиях, что и французам, а шерифам и судебным приставам Лондона запрещает предъявлять претензии к немецким купцам. Еще более важным документом является выданный около 1157 года грант, который предоставлял бессрочную защиту купцам Кёльна (*homines et cives Colonienses*). Пока они платили установленные взносы, с ними должны были обращаться равно, как с подданными короля, и без их согласия с них не взималось никаких дополнительных пошлин. К этому времени у немецких купцов была своя штаб-квартира

в Лондоне (*domo sua Londonensi*), защита короля была распространена и на это место, которое в последующем обозначалось как холл гильдии (*gildhalla sua*). А в 1194 году Ричард I в обмен на помощь, оказанную ему архиепископом Кёльна, предоставил торговцам этого города самые широкие привилегии, которые когда-либо давались немецким купцам в Англии. Лондонский Гилдхолл был освобожден от ежегодной дани в 2 шиллинга, а все его члены были освобождены от уплаты всех местных сборов в Лондоне и по всему королевству; они также могли посещать ярмарки, покупать и продавать где угодно, не считая Лондона; наконец, они могли свободно исполнять свои обычаи и обряды в Англии. В первые годы своего правления король Джон несколько раз предоставлял простые защитные письма кёльнским торговцам. Все же он не подтверждал хартию Ричарда до 1210 года, исключая, однако, смягчение лондонских пошлин. В 1213 году ему все-таки пришлось подтвердить и эту хартию за финансовую поддержку Кёльна, оказанную его племяннику Отто в борьбе с Гогенштауфенами (HUB, 13–14, 40, 84, 89).

Генрих взимал плату 2 шиллинга за Гилдхолл Лондона до 1235 года, и поэтому очевидно, что он не принимал во внимание установленные с ганзейцами связи своих предшественников. И дело тут не в выпла-

те или неуплате пустяковой суммы аренды — ее сбор действительно предполагал нежелание короля признавать привилегии, которыми пользовались немецкие торговцы в более ранние времена. Возобновление Кёльнской хартии в 1235 году указывало на отсутствие какой-либо враждебности Генриха III к ганзейцам. Сразу после возобновления хартии он приказал судебным приставам в Ярмуте выплатить обратно 53 шиллинга и 4 пенни, которые они незаконно взыскали с купцов Кёльна, а годом ранее король давал указание властям Лондона не требовать от какого-либо немца местных сборов на содержание и ремонт городских стен, во всяком случае до консультации с ним. Купцы действительно временно утратили свой Лондонский гилдхолл в начале правления Генриха III, но в результате судебного разбирательства по «правомерности претензий» (*quo warranto*) им удалось вернуть его себе в 1220 году за плату в 30 марок (CCR, архив за 1231–1234, 453; архив за 1234–1237, 216).

К этому времени и английские власти, и кёльнские купцы, возможно, не хотели бы распространения своих привилегий на все различные группы немцев, торгующих в Англии, и признания их общими. Кёльнцы, вероятно, захотели бы поделиться своими привилегиями с соседними немецкими городами

Рейнской области, так как те признавали авторитет Кёльна, но северные немцы — это другое дело. Нет никаких свидетельств деятельности северогерманских купцов в Англии в конце XII века, за исключением предоставления винного погреба в приходе Святого Петра Лесского (*St. Peter the Less*) Ричардом I Роберту ле Эрре (*Robert le Herre*) из земель Саксонии. Тем не менее вполне вероятно, что северные немцы все чаще торговали в Англии в рамках общей экспансии в регионе Северного моря. Известно о получении в 1213 году группой бременских купцов разрешительного (на торговлю в Англии) письма по соизволению короля, также о дополнительных разрешительных письмах для нескольких северогерманских кораблей. После этого английские источники снова не упоминают о них вплоть до кризиса, который последовал за смертью короля Франции Филиппа II Августа в июле 1223 года. На время этой чрезвычайной ситуации все английские и иноземные суда были задержаны на случай, если они понадобятся для отражения французского вторжения. Постепенно были выданы приказы об освобождении всех судов дружественных держав и всех задержанных купцов. По этим приказам, а также по разнообразным приказным документам, датированным 1223 и 1224 годами, подтверждается присутствие в Англии кораблей из Бремена,

Эмдена, Гамбурга, Ставерена и Гронингена, а также подданных императора и различных немецких герцогов из неустановленных городов. Есть и единственное конкретное упоминание прибалтийских торговцев в эти годы — это разрешительное письмо, данное в июле 1223 года купцу Гилберту из Шлезвига, подданному герцога Люнеберга (CPR, архив за 1216–1225, 376).

В 1237 году Генрих III издал хартию, в которой освобождал всех купцов Готланда от таможенных пошлин по всей Англии на весь их импорт и экспорт. Этот документ рассматривается историками как первоначальный грант, но, вероятно, это было продление уже существующей ранее привилегии. Свидетельство о том, что любекские купцы уже торговали в Англии и до 1226 года, содержится в имперской хартии, выданной городу в этом году. В хартии 1226 года также говорится о том, что Кёльн должен прекратить требовать уплаты незаконных пошлин с любекских купцов в Англии. Это не просто дает нам подтверждение того, что между двумя группами немецких купцов уже была какая-то связь, но и указывает на явную конкуренцию между ними. Потому как зачем иначе первым пытаться обложить налогом последних в стране, которая была чужда обеим группам? Естественно, что Любек всячески сопротивлялся попытке

налогообложения не только по финансовым соображениям, но и потому, что оплата признавала бы лидерство кёльнцев в немецкой общине в Англии. В течение нескольких десятилетий обе группы немецких купцов в Англии продолжали идти каждый своим путем, конкурируя друг с другом, однако прямых доказательств того, что Любек формально возглавлял северогерманскую общину, нет. Тем не менее, рост присутствия и влияния на внешнюю торговлю Англии северогерманцев подвиг в конечном итоге правительство рассмотреть их претензии на равные с кёльнскими купцами привилегии. В 1230 году Генрих III распространил протекцию на всех подданных герцога Брауншвейг-Люнебурга Отто I, в том числе и любекские купцы получили привилегию, хотя и пришлось уплатить все установленные на тот момент обязательные налоги. Когда в 1234 году лондонские власти установили сбор податей на содержание городской стены, мэру и шерифам было дано строгое указание не собирать их у купцов короля Германии или архиепископа Кёльна. В 1238 году определенные привилегии на торговлю в Англии были предоставлены именно купцам из Любека, но они все равно были не такими выгодными, как те, которыми пользовался Кёльн. Фактически это были лишь страховые гарантии, так необходимые

любому купцу, регулярно выходящему за границу навстречу рискам, такие, например, как страховка от порчи в случае кораблекрушения. В 1252 году Англия дает торговую протекцию купцам Гамбурга сроком на три года, а в 1257 году гости из Любека получают такую же, но сроком на семь лет, при том условии, что они останутся верны брату Генриха Илла, Ричарду, ставшему теперь королем Германии (CPR, архив за 1225–1232, 415; архив за 1247–1258, 155, 553). Купцам также гарантировалось избавление от всех налогов короны на любые товары в этом году. Однако еще более значимым представляется высочайшее позволение всем купцам Гамбурга пользоваться всеми привилегиями Ганзы в Англии, в то время как на Рождество люди из Любека были наделены привилегиями более широкими, чем те, которыми они еще пользовались, в том числе весьма желанным иммунитетом от продажи товаров за любое преступление или долг. В отчете о последнем гранте ничего не упоминалось о Ганзе, хотя это, возможно, было попросту упущением, поскольку несколько дней спустя купцы Любека получили хартию, которая не только подтвердила вновь приобретенные привилегии, но и вдобавок позволяла иметь свою собственную Ганзу наподобие той, что была у купцов из Кёльна. Неслучайно в конце 1266 года эти два крупных города получили

от Англии положенные Ганзе привилегии с разницей в несколько недель. Хотя нет никаких записей о каких-либо взаимных договоренностях или компромиссах (*quid pro quo*), невозможно сомневаться в том, что такие послабления были допущены в попытке смягчить сопротивление купцов сбору «вспомогательных налогов» (*new aid*), английских таможенных пошлин, которые недавно были наложены короной как на местных, так и на всех иностранных купцов (CPR, архив за 1266–1272, 5, 20, 23).

Во второй половине XIII века различные группы немецких купцов были объединены в единую общину, претендовавшую на общие торговые привилегии и некие гарантии сохранности их товаров. Сюда входили и готландцы, чья хартия 1237 года все еще находилась во владении Лондонского контора в середине XV века. Процесс ассимиляции нелегко реконструировать. Некоторые историки утверждают, что решительный шаг был сделан к 1260 году, когда Генрих III по просьбе своего брата Ричарда подтвердил действие уже существовавших ранее привилегий для купцов «*gildhalla teutonicorum vulgariter nuncupatur*» (HUB, 552).

Это описание данной привилегии было воспринято как доказательство того, что купцы со всей Германии теперь были допущены в Кёльнскую торговую организацию.

В уставе нет ничего, что оправдывало бы такое толкование, хотя официальная запись и является весьма поверхностной. Упомянут был общий немецкий язык; вероятно, когда говорили о гильдии немцев, имели в виду Кёльнскую гильдию, ибо тогда, как и сейчас, человек на улице, услышав говорящего по-немецки, не смог бы заметить разницы между одним купцом из Кёльна и другим из Гамбурга. Однако в сохранившемся документе, датированном также 1260 годом, лидер гильдии купцов упоминается как «глава гильдии Немцев» (*aldermanno mercatorum Alemannie*), что подтверждает теорию единой немецкой общины в Англии (Lappenberg, 1851, 28). Можно, конечно, возразить, что предоставление в 1266 году отдельных привилегий купцам разных Ганзейских городов, например из Гамбурга и Любека, доказывает, что они все еще не были частью единого сообщества, ведь иначе зачем были необходимы такие независимые грамоты? Но этот факт не является бесспорным, поскольку оба города действовали в одностороннем порядке даже на Балтике, где меньше сомнений в существовании единой Ганзы. До 1261 г. Любек получил торговые привилегии для своих граждан в Швеции. В этом же году они были подтверждены и распространены на жителей Гамбурга, но, что интересно, не на жителей других немецких городов, несмотря на

то, что ранее шведские правители уже предоставляли разные привилегии и свободы торговли без каких-либо оговорок прочим немецким купцам. Так К. Кумлиен интерпретирует это как значительный шаг в метаморфозе Ганзы купцов в Ганзу городов, сродни тому, что параллельно происходило с Ганзой в Англии (Kumlien, 1943, 88–89).

С течением времени становилось все труднее и труднее доказать, что привилегиями, упомянутыми в 1260 году, должны пользоваться только кёльнцы, если это, конечно, действительно так, а не все те, кто присоединился к ним позднее. Первое подтверждение хартии 1260 года было получено в ноябре 1281 года, за несколько месяцев до первых неоспоримых доказательств существования объединенной Ганзы. Необходимость, вероятно, возникла в связи с возобновлением притязаний рода Де Ховилл на права на некоторые торговые грузы в основных портах Восточной Англии. Томас де Ховилл, потомственный сокольничий короля Англии, сдал в аренду участок торгового порта Бостона двум флорентийским купцам на два года с 30 ноября 1281 года за 100 марок, и был также некий спор о его правах на товары в Линне. Во всяком случае позже утверждалось, что немцы перестали платить ему взносы 2 ноября 1281 года, когда он снова безуспешно попытался уста-

новить право на собственность, занимаемую немцами в Линне. Кёльнцы, по-видимому, не возражали против использования хартии 1260 года объединенной Ганзой, а в 1290 году и снова в 1321 году они предпринимали меры предосторожности, возобновляя у Английской короны и защищая все свои полученные хартии, датируемые XIII веком (CPR, архив за 1272–1281, 465). Они защищали свои права, даже если хартия 1260 года по истечению века могла быть в любой момент признана устаревшей и недействительной. Нет никаких свидетельств того, что гамбургские и любекские купцы когда-либо искали отдельного подтверждения своих хартий 1266 года, вероятно, потому что права, определенные в них, были более узкими, чем те, которыми они уже пользовались на практике к концу XIII века.

Как уже упоминалось выше, самое раннее четкое упоминание о единой Ганзе встречается в 1281 году, и вполне возможно, что тогда или незадолго до этого немецкие купцы выступили общим фронтом против англичан, особенно лондонских торговцев, которые стремились ограничить торговые привилегии купечества Ганзы в Англии. В начале того же года городские власти попытались заставить немцев взять на себя финансовую ответственность за ремонт городских стен Бишопгей-

та (*murage*), а также уплатить местный налог, взимаемый с товаров, въезжающих и выезжающих из города. Первый иск был подан во время дознания 1275 года; тогда присяжные пришли к выводу, что немцы (*Teutonic*) несут ответственность за содержание Бишопгейта, который пришел в негодность. Суд признал, что взамен купцы должны пользоваться всеми свободами граждан города. Когда купцы оказали сопротивление, город обратился к королю, который вызвал обе стороны в казначейство, где 4 июля 1282 года был вынесен вердикт (Rot. Hund., (London, 1812–1818), 416, 428).

Верховное постановление гласило, что немцы должны будут оплатить 240 марок за ремонт ворот, а также что они должны нести затраты на содержание их в надлежащем виде и что отныне они будут нести одну треть расходов на содержание вахты у ворот, остальное оплачивает городская казна. Взамен Ганза должна быть освобождена от уплаты местного налога, взимаемого с импорта и экспорта товаров на вечные времена. Также зерно, привезенное в город ганзейскими купцами, может быть продано из их амбаров в течение сорока дней, если только не последует особого распоряжения от короля или городских властей из-за нехватки продовольствия. Третья уступка Англии заключалась в том, что отныне купцам позволялось иметь

свой совет и главу контора. Он должен был быть избран ими и затем представлен городским властям, перед которыми он должен принести клятву, что будет справедлив в решениях собственного суда Ганзы. Такой внутриганзейский механизм существовал и до этого, тому есть свидетельства. Но настоящее соглашение закрепляло и меняло статус того, что до сих пор существовало без санкции короны, официально признавая Ганзейскую систему.

Независимо от того, кто получил большее удовлетворение от соглашения 1282 года – Лондон или Ганза, теперь уже горожане не могли серьезно посягать на свободу торговли купцов Лиги. Любое движение местных властей в этом направлении, безусловно, было бы заблокировано Эдуардом I, чья твердая политика по защите иностранных купцов достигла апогея приостановкой действия Лондонской хартии в 1285 году. Оппозиция благосклонному отношению к иностранным купцам видна, по крайней мере, с 1290 года, но король ослабил свою хватку в городе лишь после конституционного кризиса осенью 1297 года. В апреле 1298 года он отозвал королевского регента и восстановил в Лондоне должность губернатора. Горожане немедленно ополчились на чужеземцев, которые явно пользовались слабостью местных купцов, широко распространенной

в период прямого королевского правления. В июне 1298 года многие иностранцы, в том числе восемь немцев, были обвинены в том, что имеют в собственности жилые дома (в Лондоне это было запрещено). Так, во время приостановления действия хартии пострадали от этого как купцы, так и другие иностранцы, не занятые в торговле. Штрафы и предупреждения, вынесенные тем, кто был признан виновным, а также другим обвиняемым, не смогли обуздать желание иностранцев жить в своих собственных помещениях или жить в соседстве с соотечественниками. В апреле 1300 года десять немцев и восемь южан снова получили приказ покинуть свои дома и арендовать себе помещения у местных жителей Лондона. Попытка горожан восстановить старые обычаи не ограничивалась правилами на поселение, они также пытались добиться соблюдения других правил, в том числе сорокадневного ограничения на проживание иностранца в Лондоне. В мае 1301 года ряд горожан был избран для поездки с мэром в Кенилворт, чтобы обсудить с королем этот и другие вопросы. Однако дело неоднократно приостанавливалось и оставалось неразрешенным вплоть до выдачи «Хартии иностранным купцам» («*The Carta Mercatoria*») в 1303 году. Пока же городу было приказано не досаждать иностранцам (CFR, 439–440).

Наиболее ярко выделялись в этой борьбе между купцами Лондона и чужеземным торговым сообществом две группы: купцы немецкой Ганзы и гасконские импортеры вина. Город, по-видимому, организовал согласованную кампанию против притязаний немцев на рост их торговли в Англии. В июне 1298 года Ганзе было предъявлено обвинение в незаконном уклонении от уплаты пошлин на товары, ввозимые в Лондон и вывозимые из него. Горожане утверждали, что привилегии купцов обеспечивали неприкосновенность только для товаров, которые они привозили непосредственно с родины, и что привилегии не распространялись на реимпорт тканей и шерсти, в оборот которых начали вмешиваться немцы. Ганзе дали один день, чтобы доказать и подтвердить расширенный иммунитет от пошлин. Чуть позже еще двум ганзейцам было предъявлено обвинение в выгрузке воска с корабля в Гринвиче — нарушении закона, согласно которому импортные товары должны были выгружаться только в пределах города. Обвинения, выдвинутые лондонцами, в определенной степени были услышаны королем. Так, в мае 1298 года шерифам города было направлено предписание обратить особое внимание на деятельность немцев и искоренить некоторые правонарушения, которые они совершают. Король слышал, что они зло-

употребляют своими свободами, выдавая чужие товары за свои собственные, а также что они занимаются контрабандой фальшивых денег. Вероятно, конечно, что эти слухи исходили от самих лондонцев.

Ганзейский союз, как одна из ведущих и наиболее сплоченных групп иностранцев в Англии, играл важную роль в дискуссиях о необходимости регулирующих торговлю законов, которые породили «Хартию иностранным купцам» (*The Carta Mercatoria*), Лига была наиболее активна в борьбе за принятие хартии в Лондоне. Например, когда в 1309 году город пошел на уступки в важном вопросе, касающемся взвешивания товаров, Ганза предоставила одиннадцать из двадцати одного иностранца-переговорщика (CPR, архив за 1292–1301, 450, 479, 622).

Поскольку Эдуард II утвердил «Хартию иностранным купцам» вскоре после своего вступления на престол и так как она обеспечивала их привилегиями столь же значимыми, что и хартия 1260 года, ганзейцы не предприняли никаких немедленных шагов, чтобы получить подтверждение более древнего документа. Но к лету 1311 года ситуация стала совсем иной, поскольку привилегии, которыми пользовались все иностранные купцы в Англии, подверглись нападкам и пересмотру, а вскоре «Хартия иностранным купцам»

была вовсе отменена (на долгие одиннадцать лет) одним из знаменитых постановлений, опубликованных той осенью. Это заставило Ганзу тщательно изучить свои собственные хартии. Обнаружив, что подтверждение в 1281 году гранта 1260 года не имело никакого отношения к наследникам торговцев, было принято решение заплатить 100 фунтов стерлингов за подтверждение хартии Эдуардом II, которое исправило ситуацию (CPR, архив за 1307–1314, 354). Это было сделано еще в июне 1311 года, до отмены «Хартии иностранным купцам», так что после этого ганзейские купцы легально вернулись туда, где они были до 1303 года.

Не успела Ганза получить подтверждение хартии 1260 года, как обнаружились другие бреши в ее привилегиях, хотя события, которые продемонстрировали это, в конечном итоге привели к устранению недостатков. Причиной неприятностей тогда стала серия пиратских нападений на суда английских купцов, в которых якобы участвовали немецкие корабли. Самым серьезным случаем стал захват у берегов Норфолка корабля с шерстью и другими товарами, принадлежащими группе линкольнширских купцов. Преступники, как говорилось, были родом из Любека, Гамбурга, Кампена, Кёльна и других городов с Востока. В отместку англичане получили приказы, предписывающие

шерифам Норфолка и Саффолка, Йоркшира, Линкольншира и Ноттингемшира арестовать всю немецкую собственность на их складах. Это спровоцировало ганзейцев направить протест королю. В итоге 1 июля 1311 года шерифам было поручено освободить ганзейские товары, так как король желал проявить особую благосклонность к купцам Германии (*Almain*). Однако они должны были предоставить доказательства, чтобы ответить на обвинения в пиратстве в суде лорд-канцлера 9 сентября. В результате этого слушания шерифам было приказано освободить грузы основных подозреваемых на том основании, что первоначальный арест товаров был незаконным. Ясно, что линкольнширские торговцы проиграли первый раунд по своему иску о возмещении убытков, потому что они действовали поспешно и наложение ареста на имущество немцев сыграло не в их пользу. Изъятие товаров по решению суда было общепринятой законной практикой среди купечества, но такие наложения ареста на имущество не должны были происходить хотя бы до тех пор, пока потерпевшие стороны не попробуют добиться справедливости у местных лордов или властей, пожаловавшись на предполагаемые грабительские действия или взыскания с должников. Однако в случае отказа в правосудии или нежелательного решения

истцы могут прибегнуть к прямым действиям в своей собственной стране, с тем чтобы попытаться повлиять на судебный процесс. Тот факт, что владельцы арестованных товаров непосредственно не были причастны к ограблению англичан, для правосудия не являлся помехой, поскольку при условии соблюдения надлежащих судебных процедур они могли быть привлечены к финансовой ответственности за действия своих соотечественников. Хотя линкольнширцы ничего не добились в этом случае, они продолжили свои действия в судах; так в марте 1312 года они получили королевские письма, адресованные городским властям Гамбурга, Любека и Кампена с просьбой привлечь пиратов к ответственности. Гамбург и Любек ответили в схожей манере, просто отрицая какое-либо участие своих граждан в пиратстве. Кампен не признал и не отрицал причастности к пиратству, но выдвинул встречные обвинения против пиратствующих английских граждан. Эдуард II в конце концов дал согласие в ответ на просьбу выдать охранное письмо для германских послов в Англии, чтобы обсудить все жалобы; два консула попали под защиту письма, охватывающую период с 1 мая по 1 ноября 1313 года. Согласно английской версии событий, эти двое просто стремились отсрочить урегулирование иска о пиратстве,

а затем разорвали все переговоры без каких-либо оснований. После провала переговоров 16 ноября 1313 года были изданы приказы об аресте всех товаров, принадлежащих Гамбургу, Любеку и Кампену, чтобы удовлетворить требования линкольнширских купцов (CCR, архив за 1307–1313, 111, 364, 378, 541, 543, 578).

Хотя упомянутые выше аресты купеческого имущества затронули только выходцев из Любека, Гамбурга и Кампена, нет сомнения, что они были причиной растущего беспокойства всей Ганзы; была даже составлена и направлена просьба к королю о поддержке Ганзы в ее законных свободах. На самом деле торговые вольности не защищали ганзейцев от репрессий, которые основывались на общих законах купечества. Правда, король мог даровать иммунитет от ареста отдельным лицам или группам торговцев, если они сами не были должниками или нарушителями закона, но это было ревностно охраняемое торговое послабление. Среди Ганзейских городов оно было только у Любека, хотя в надвигающихся смутах его, по-видимому, оставили без внимания. Теперь ганзейцы предприняли решительные усилия, чтобы добавить эту лакомую привилегию к имеющимся вольностям, и в апреле 1314 года она была дарована всем купцам Германии (CChW, 394).

Получив чрезвычайно ценный иммунитет от внезапных арестов имущества, Ганза должна была отстаивать свои интересы всеми силами, имея в противниках могущественные лондонские городские власти, местное купечество и прочие сторонние субъекты.

Эдуард II в начале своего правления не только подтвердил выдачу привилегий своими предшественниками, признавая и льготы в виде иммунитета от арестов, но и впервые указал, что ни он, ни его наследники не станут налагать на Ганзу новые пошлины без ее на то согласия (CChW, 447).

Новая Ганзейская хартия об имущественном иммунитете вынуждала конкурентов еще более рьяно выдвигать свои претензии в парламенте, и немцы, чьи товары были выпущены из-под ареста в Лондоне в марте 1317 года, были вызваны на общую ассамблею в Йорке 29 сентября 1318 года. Ни по одному вопросу сторонам не удалось достичь согласия, потому все решения были отложены до следующего заседания парламента. На самом деле, только в июле 1320 года, после еще нескольких неудач, английское купечество смогло наконец добиться успешного исполнения приказа о наложении ареста на имущество группы немецких купцов в обеспечение долга. К этому

времени влияние Ганзы на английский двор ослабело.

Приобретение Ганзой очередной хартии в марте 1317 года, должно быть, убедило английских купцов в том, что они не смогут добиться полной отмены ганзейских торговых вольностей, и поэтому их единственной целью на данном этапе было ограничение числа тех, кто имел право ими пользоваться. Это было нелегко. Лишь часть из полученных привилегий приписывалась отдельным купцам Германии; все чаще хартии, выдававшиеся купцам в зоне ответственности лондонского контора, позволяли немцам самим определять свое членство в Лиге. В парламенте Йорка в 1318 году было установлено, что некий немец, чьи товары были арестованы из-за задолженности и который не был членом Гильдхолла, впоследствии уже значится ганзейцем.

Почти всегда, когда немецкие товары в Англии арестовывались, ганзейские купцы клялись, что владельцы были членами гильдии и товары согласно хартии должны быть освобождены. Естественно, англичане не были готовы бесконечно мириться с таким положением дел и в конце 1319 года оспорили свидетельство о том, что некоторые купцы из Зоеста и Грейфсвальда были членами Ганзейского гильдхолла. Присяжные, состоявшие из лондонцев и ино-

странцев, не являющихся немцами, затем установили, что указанные торговцы не были членами в момент ареста их товаров. В 1320 году вследствие противоречивых показаний ганзейских и лондонских присяжных английская знать переместила тяжбу против купцов в Суд королевской скамьи. Ганзейский контор был призван удостоверить имена всех своих членов, города, из которых они прибыли, и время, когда купцов приняли в члены. Прежде чем это дело получило ход, его настигло встречное расследование правомерности претензий (*quo warranto*), открытое купцами в Лондоне в 1321 году. Данный процесс был весьма серьезным, так как он не ограничивался вопросом членства отдельных купцов; тут подверглась нападкам вся система ганзейских торговых привилегий. Слушания начались в суде лорд-канцлера, но вскоре были перенесены на Королевскую скамью, где они неоднократно прерывались и затягивались. На январскую судебную сессию (*Hilary term*) 1324 года купцы не явились, потому было решено забрать выданные им вольности от имени короля. В следующем году купцы заплатили штраф в размере 20 фунтов стерлингов, чтобы вернуть свои торговые свободы, но решение суда постоянно откладывалось до тех пор, пока дело не было закрыто вступле-

нием Эдуарда III на престол и новым подтверждением хартии 1317 года и всех прежних привилегий (CCR, архив за 1318–1323, 45).

Шаткость коллективных свобод Ганзы в последние годы правления Эдуарда II заставляла отдельно взятых купцов все чаще защищать лишь свои личные интересы. Кёльнские купцы поступили так на процессе в 1321 году, напомнив суду о правомерности претензий (*quo warranto*) согласно их собственной хартии еще 1194 года. Так как льготы, которые эта хартия закрепляла за ними, были менее широки, чем те, которыми пользовалась сейчас вся Ганза целиком, хартия была соответственно подзабыта в последние годы и никогда не подтверждалась при правлении Эдуарда II. Но если более широкие торговые привилегии были бы свернуты и Ганза распалась бы, кёльнская хартия могла бы установить особенное положение для всех купцов Вестфалии. Кроме того, по крайней мере с весны 1323 года некоторые немецкие купцы получали личные охранные грамоты от властей в Англии. Сначала это были простые охранные грамоты, гарантировавшие лишь неприкосновенность их товаров, но в более поздних документах описывались все основные свободы, на которые претендовала тогда Ганза, и оговаривалось, что ими должен пользоваться

держатель грамоты. Некоторые немецкие купцы получали неоспоримые преимущества в торговле на территории Англии. Их личные привилегии, дарованные сначала по воле короны, затем продлевались на всю жизнь с окончательным признанием за этим купцом статуса местного жителя (CPR, архив за 1321–1324, 280, 434; архив за 1324–1327, 194).

Эдуард III не издал общего подтверждения торговых привилегий для иностранных купцов после своего вступления на престол. Вместо этого отдельным группам иностранцев были продлены их собственные копии хартий. Этот факт стал существенен в начале 1330-х годов, когда Лондон взимал пошлину с ввозимых в Англию товаров. Городу тогда было не просто приказано отменить поборы; королевская канцелярия издала отдельные поправки в пользу любых торговцев, которые обладали личными привилегиями, что гарантировало их свободы и конкурентоспособность.

Немецкая Ганза не была тогда в числе тех, кто считал целесообразным обновлять свои персональные копии «Хартии иностранным купцам», вероятно, потому, что она чувствовала себя достаточно защищенной другими своими хартиями, которые были подтверждены новым королем еще в марте 1327 года. Вольности, дарованные Ганзе

Эдуардом II, были в некоторых отношениях более ценными, чем те, которые предоставляла «Хартия иностранным купцам». Кроме того, факт ее временной отмены по условиям постановлений 1311 года, длившейся по 1322 год, показал, что хартия уязвима ввиду политических нападков. Собственные же торговые свободы немцев, напротив, вызвали меньше негодования у местных купцов и городских властей, и, следовательно, их было легче защищать. Немцы, несомненно, пытались извлечь выгоду из сложившейся ситуации и своего особого положения. В 1330 году они подали прошение о том, что с них незаконно снимается пошлина в размере 3 шиллингов с каждого заработанного фунта стерлингов, поскольку благодаря их особому положению по закону они не подпадают под таможенные пошлины, установленные в 1303 году. Но тогда корона отклонила прошение ганзейских купцов. В апреле 1332 года Эдуард III сделал свое первое общее для всех иностранных торговцев, в том числе и ганзейских, подтверждение «Хартии иностранным купцам» (CPR, архив за 1330–1334, 270).

В 1335 году положение всех без исключений иностранных купцов в Англии значительно укрепилось благодаря законодательному акту парламента, заседавшего в Йорке. До сих пор статус иностранного купца почти

полностью зависел от королевских прерогатив, но многие привилегии, дарованные ему королем, вступали в противоречие с предписаниями и закрепленными в уставе правами английских общин. Конфликт, конечно, присущ любой попытке местных властей оказать поддержку иностранцам, но до сих пор многие притязания иностранных купцов могли трактоваться в силу Великой хартии вольностей (*Magna Carta*), принятой еще в 1215 году. Глава 41 этого документа была прямо недружелюбна по отношению к приезжим торговцам, но она была значительно ниже главы 13, в которой говорилось, что Лондон и все другие города должны придерживаться всех древних свобод и обычаев отдельных народов. Статут (устав) 1335 года преодолел эту трудность, объявив, что все перечисленные привилегии и обычаи, которые были помехой для местных жителей, теперь являются недействительными. Парламент, однако, не упоминал «Хартию иностранным купцам», и в кратком уставе не было подробно сказано о спорных моментах между англичанами и иностранцами. В нем просто говорилось, что иностранцы могут торговать всеми товарами, хотя вино может экспортироваться только по королевской лицензии, которая распространяется как на местных купцов, так и на приезжих. Тем не менее, было ясно намерение парламента

установить широкую меру свободной торговли, и, когда статут был окончательно утвержден в 1351 году, в нем было дополнено, что все правила распространяются как на розничную, так и оптовую торговлю (Stats, 270, 315).

В военное время все права на торговлю, установленные королевской хартией или парламентским статутом, были подчинены другим соображениям. В начале Столетней войны к таким соображениям относились дипломатические и финансовые стратегии короля. Так был наложен полный запрет на экспорт шерсти, которая была главным английским товаром, экспортируемым как самими англичанами, так и иностранцами. Но Эдуард III не стремился разрывать отношения с зарубежными купцами и потому поддерживал их остальную внешнюю торговлю с помощью писем-гарантий. В первые годы войны было выдано большое количество таких документов, часть из которых распространялась на всех торгующих иностранцев, а часть касалась только отдельных групп. Как правило, они выдавались на определенный период времени, обычно от одного года до трех лет. Данные письма зачастую гарантировали соблюдение «Хартии иностранным купцам» в течение этого периода, и не было никаких упоминаний о том, что впоследствии получатель мог быть автоматически

выведен за пределы хартии. С другой стороны, нельзя и предполагать, что король безоговорочно продолжал бы свое покровительство до конца выданной привилегии в случае возникновения серьезных вопросов в адрес иностранного купца. С юридической точки зрения, в случае преждевременного прекращения действия охранных писем уведомление должно направляться купцам, с тем чтобы иностранцы имели время уладить свои дела в Англии и спокойно отбыть. Естественно, что такая милость не распространялась на подданных тех держав, чьи власти вели себя несправедливо по отношению к английским купцам за границей. По крайней мере два раза в первые годы войны ганзейские привилегии подвергались некоей опасности. Первая угроза возникла из-за ареста английского купца на территории Кёльнского архиепископа. Данный купец, Джон Пирс, был освобожден только после уплаты крупного штрафа (HUB, 39, 42, 65, 77–78). С 1344 по 1346 год его душеприказчики на родине стремились взыскать убытки путем отчуждения имущества немецких купцов в Англии. Но аресты эти были ограничены по масштабам и в конечном счете безуспешны, поскольку против них закономерно возражали как против нарушения ганзейских привилегий. Второй инцидент был потенциально гораздо более

серьезным, поскольку сначала корона решила рассматривать его как оскорбление всей английской нации. Инцидент разразился вокруг казни в Слюисе Ричарда Кёртиса из Бристоля по обвинению в пиратстве, предъявленному немецким купцом. Английские же купцы из ярмарочного городка представляли это своему правительству как судебное убийство, добытое лжесвидетельством и клеветой. Так в июле 1351 года были приостановлены все вольности Ганзы и произведен оптовый арест товаров и долгов по всей стране. Отдельные купцы постепенно возвращали свою утраченную собственность, клянясь, что они не имеют никакого отношения к германской Ганзе во Фландрии, но все равно тень подозрений лежала на них еще долгое время. Торговые привилегии были официально восстановлены самое позднее к июню 1354 года, когда из тщательно продуманного именного охранного письма следует, что уже тогда все члены Ганзы пользовались ими на территории Англии (HUB, 207–211, 214–215, 222, 233, 235, 238, 258, 298).

Запрет же, наложенный на экспорт шерсти в 1336 году, был снят для членов Ганзы в марте 1338 года, но торговля оставалась под строгим контролем и была также обременена дополнительными взносами к налогообложению 1275 года и новому налогу

1303 года. Сначала ставка составляла 20 шиллингов за мешок для местных и иностранных купцов, в то время как последние также должны были платить еще сбор в 20 шиллингов. Позже сумма была еще увеличена для иностранцев по различным политическим соображениям. Все налоговые платежи выплачивались стабильно как англичанами, так и ганзейцами. Ведь без уплаты даже очевидно завышенных сборов любому торговцу попросту не разрешили бы экспортировать английскую шерсть.

Хотя нет никаких доказательств того, что иностранцы ставили под сомнение адекватность налогообложения на шерсть, они не так легко соглашались на новые налоги на другие товары, которые были введены в 1347 году. Наиболее спорной была пошлина на английские шерстяные и камвольные ткани, установленная «единодушно» на большом заседании совета, состоявшемся в марте. Так ганзейские купцы должны были платить отчисления в казну в размере 1 шиллинга и 9 пенни за мешок шерстяных тканей, а для мешка с пряжей был установлен сбор в полтора шиллинга. Тот факт, что они должны были платить это в дополнение к пошлинам на экспорт тканей, установленным в 1303 году, вызвал протесты немецких купцов. В результате уже в октябре 1347 года были даны указания, чтобы новая пошлина

в настоящее время не взималась с членов германской Ганзы. А к 20 января 1348 года было принято окончательное решение в пользу ганзейских купцов, устанавливающее, что они должны выплачивать только пошлину 1303 года, и освобождающее от нового налога. Неясно только, было ли это решение основано на «Хартии иностранным купцам» или на привилегии Ганзы 1317 года. Однако равного отношения английских властей к немцам и к другим иностранцам не было; прочие иностранные купцы продолжали платить двойной налог на экспортируемые английские ткани.

Помимо отказа платить новый постоянный налог на ткани, ганзейцы сопротивлялись попыткам введения временных сборов и на другие товары, якобы взимаемых для оплаты защиты морской торговли. Первый из подобных платежей был инициирован великим советом в марте 1347 года, и его объем составлял 2 шиллинга за бочку вина или мешок шерсти и 6 пенни за каждый вырученный купцом фунт. Временный налог должен был взиматься со всех купцов без исключений с 18 марта по конец сентября, но на практике он собирался до 25 ноября 1347 года, а на шерсть — до следующей Пасхи.

Из вышесказанного следует, что торговые взаимодействия Ганзы с Англией вызвали

к жизни целый сегмент законодательных актов в последней, которые были адресно ориентированы на отношения с ганзейским купечеством. Это подчеркивает специфический характер этих связей.

Глава 2

Механизмы торговых отношений Ганзы и Англии

Деятельность Ганзейского союза в английских портовых городах

Торговля Ганзы в Лондоне

Отличительной чертой рассматриваемого данной работой этапа развитых англо-ганзейских торговых связей является переход немецких купцов от торговли в нескольких портах к торговле в одном. Конечно, помимо лондонского рынка купцы бывали и в других землях Англии, но это было, скорее, исключением. Главным фактором для такой тенденции послужило прекращение торговли пряжей, что актуально для раннего средневековья. Еще одной немаловажной причиной стал тот факт, что местные власти небольших городов часто придумывали новые налоги и зачастую рынком могли владеть купцы какого-либо конкретного ганзейского города, тогда как в Лондоне все приезжие были на равных. Северогерманские го-

рода были представлены в изобилии. За рубежом, вдали от своих городов, ганзейцы объединялись для дальнейшей координации в общий зал гильдии (*контор*). Например, нам известно о коллективном иске лондонского контора «Стального двора» (*Stalhof*) к властям Лондона в 1388 году, где упоминается десять торговцев из Кёльна, семеро из Дортмунда и еще один из Венгрии (HUB, 934, 945).

Точное число именно германских купцов в Лондоне сейчас сложно установить, но Стальной двор насчитывал в 1381 году двадцать восемь немцев (*Almain*), которые были освобождены от годового городского взноса из-за имеющейся у них привилегии.

К концу XIV века лондонский контор уже превосходил количеством бостонский. Но объем торговли рос небыстро, Лондон оставался на втором месте среди портов Англии по объемам ганзейской торговли тканями. Точно отследить этот рост не представляется возможным из-за неизвестного нам объема экспорта ганзейцами тканей из Лондона. Установлено по сохранившимся документам только, что экспорт пряжи, шерстяной одежды и мотков шерсти возрос вдвое.

В середине четырнадцатого века ганзейский купец платил в казну Лондона 1 шиллинг 9 пенни за каждый 281 отрезок ткани;

Таблица 1. Объемы торговли
в лондонском экспорте английской ткани
за 1399–1436 гг. (в фунтах стерлингов £)

	Английские купцы	Ганзейские купцы
1399–1402 гг.	22800	7400
1402–1422 гг.	13900	5900
1422–1425 гг.	24843	6949
1425–1428 гг.	17480	5778
1428–1435 гг.	25228	4214
1435–1436 гг.	10929	2353

Источник: Wilson and Coleman, 1963, 122–134.

ткань из гребенной шерсти облагалась 3 шиллингами с фунта выручки, столько же уплачивали за сукно (Wilson and Coleman, 1963, 128).

Объемы торгового оборота экспортируемого сукна в фунтах стерлингов как английскими купцами, так и ганзейскими, а также изменения из года в год, согласно налоговым записям, собраны в представленной таблице 1.

Война во Фландрии в 1380-е годы свела на нет импорт сукна в Англию и явно повлияла на рост экспорта из Англии при посредстве ганзейских купцов. Также многие

экспортеры переключились на вывоз грубой шерстяной материи, налог на которую был наименьшим. Например, с июля по сентябрь 1384 года было зафиксировано минимальное значение в экспорте на континент, а именно 519 единиц материи из грубой шерсти и 128 единиц сукна, тогда как сами англичане вывезли за этот период 254 и 24 соответственно (Perkmann, 2003, 71). Все это закономерно привело к недополученной выгоде Лондона, поэтому Главное казначейство впервые ввело дополнительный налог для зарубежных купцов. К обложению в 3 шиллинга за каждый вырученный фунт на английской земле (*poundage tax*) собирался налог на добавленную стоимость (*ad valorem tax*), плюс таможенной пошлиной облагалась грубая шерстяная материя. Это, несомненно, сильно ударило по купцам, те в свою очередь пытались всячески уклониться от нововведений. А в 1390 году лондонские ганзейцы и вообще вынужденно объявили бойкот рынку грубой шерсти, сохранив и немного увеличив при этом экспорт сукна. Так, к концу XIV века экспорт всех видов тканей ганзейскими судами насчитывал 2321 единицу в год, что составляло 60 процентов от всех сделок, заключаемых ганзейцами, а также 45 процентов всего экспорта тканей в Англии.

Несмотря на рост лондонских налогов для Ганзы, экспорт тканей был важнейшей сферой рынка. На внутреннем рынке в Англии в основном пользовалась спросом лишь ткань с саржевым плетением (может вырабатываться из пряжи любого состава), реже — ткань из крученой шерсти. Купцы также все больше экспортировали готовые текстильные изделия, чтобы не платить налог на грубую шерстяную ткань: накидки, колпаки, перчатки, юбки, а также так называемые «ирландские мантии». Известно о попытках купцов вывезти ткани под надуманными названиями, которые, естественно, не числились у казначейства в списке налогооблагаемых. Ганзейцы очень редко имели дело с кроличьими и бараньими шкурами, в основном это была сфера интересов итальянских купцов в Англии (Hatcher, 1973, 103–105).

Более разнообразным, чем экспорт, был ганзейский импорт в Англию, он включал в себя всевозможные товары с материковой Европы, такие как стекло, замки и ключи, зеркала, разнообразные мешочки, четки, игрушки и статуэтки, посуду, украшения, ручные мельницы для зерна и многое другое. Безусловно, наибольшая выгода шла от традиционных бытовых товаров, торговля которыми обеспечивала немалый оборот капитала и создание которых требовало специальных знаний от мастеров со всей Европы.

Львиную долю импорта составляла пушнина. Меха ввозился как купцами Ганзы, так и самими англичанами. Его суммарный годовой оборот в конце XIV века составлял более 3300 фунтов стерлингов. В сохранившихся торговых записях того периода самым крупным поставщиком пушнины числится купец из Дортмунда Кристиан Кельмер, член совета Лондонской гильдии, с годовым импортом меха на сумму 1045 фунтов стерлингов. Он и еще одиннадцать ганзейских купцов из Дортмунда и Кёльна довели свою совокупную долю импорта меха в Англию до почти 80 процентов. Полной монополии им добиться не удалось, поскольку помимо еще двух прибалтийских торговцев конкуренцию составляли несколько видных лондонских купцов, импортировавших ценные меха с юга Европы. Оборот пушнины был настолько велик, что Кельмер даже занялся реэкспортом меха горноста, что в конечном итоге лишило его расположения при Английском дворе (Martin, 1986, 54). Однако подавляющее большинство импорта меха состояло из относительно недорогих шкур белок, которые в основном экспортировались из России (Veale, 1966, 129). В то же время немецкие купцы Вестфалии не всегда перекупали товары с востока, иногда они действовали без посредников, перевозя грузы самостоятельно. Так, из записей 1405 года нам известно

о купце из Кёльна Бернарде Мечингхаузе, одном из крупнейших импортеров меха в Лондон, который подвергся пиратскому нападению и лишился перевозимого меха на пути в Брюгге.

Кроме того, из Вестфальско-Маасского региона немецкие купцы регулярно импортировали в Англию медь, сталь, железо и латунь в виде брусков, слитков и проволоки, а также в форме разнообразной металлической посуды, раковин, мечей, ножей и различных доспехов. Солидный вклад в общий объем импорта, хотя и не такой существенный, если сравнивать с пушниной, был внесен торговлей воском и прочими несложными изделиями.

Английское же купечество делало ставку на торговлю шерстяным текстилем и даже больше — льняным полотном. Также импортировалась нить, канаты и прочие производные. Из Кёльна привозили так называемую «кёльнскую нить», ее предпочитали для сшивания тюков, а не для плетения или вязания. Даже в обороте этого товара все чаще были задействованы англичане наравне с ганзейцами. Также обе группы завозили необработанный лен, фланель, шелк.

Несмотря на то что до нас дошла лишь обрывочная информация о перемещениях грузов, мы можем приблизительно установить, где загружалось судно, изучив список товара, перевозимого на нем, а также узнав фами-

лии купцов, вовлеченных в доленое сотрудничество. Так, например, за период с июля по сентябрь 1384 года в лондонский порт вошло девяносто восемь судов, только восемь из которых были как-то задействованы в торговле на Балтике, в том числе с северогерманскими городами. Общая сумма перевозимых товаров на этих судах составляла 1336 фунтов стерлингов (включая приблизительно 100 фунтов за товары не из Балтийского региона). Ни один из перечисленных кораблей не управлялся английскими шкиперами, однако доля перевозимого товара, принадлежавшего английским купцам, составляла свыше шестидесяти двух процентов. Помимо воска, небольшого количества меди и нескольких видов меха, грузы представляли собой традиционные дорогостоящие товары, такие как древесина, уголь, деготь, смола, лен и немного вяленой рыбы. Что касается импорта рыбы, в основном из Норвегии, то с 1382 года Лондон увеличил налог на ее ввоз с 1 фунта стерлингов до 1 фунта и 3 пенни (HUB, 759). Но и ганзейские купцы не растерялись, повысив цену вяленой рыбы для конечного потребителя с 4 фунтов до 5 за колодку. Но длилось это недолго: из-за холодных весны и зимы того года случился неурожай, и поэтому англичане сделали импорт всех продуктовых товаров беспошлинным. Однако когда нехватка продуктов закончилась, Лондон вернул налоги без всяких

предупреждений, заставив купцов перенаправить импорт продуктовых товаров в порты Бордо, Байонна и Дордрехт (CCR, 388, 390).

Большинство известных по источникам купцов-авантюристов импортировали в Англию товары балтийского или вестфальского происхождения через Фландрию или Брабант, однако единицы торговали с Балтикой напрямую без посредников. На таких предпринимателей нам указывают лондонские торговые записи за 1385 год, когда одиннадцать английских купцов потеряли груз в Пруссии на сумму 353 фунтов стерлингов (HR, 404).

Торговля Ганзы в Бостоне

В конце XIV века Бостонский контор был все еще важным провинциальным центром ганзейской деятельности, но экономико-географический базис международной торговли был уже не тем, чем прежде. Здесь, как и в других торговых городах Англии, экспорт шерсти был заменен тканью, направляемой ганзейцами преимущественно в Северную Европу. Что касается импорта, то торговля с Норвегией была еще более доминирующей, чем раньше. В период между концом сентября 1390 г. и ровно через год в 1391 г. объем импорта Ганзы в Берген составил 3779 фунтов стерлингов, что представляло собой 74 % от общего объема импорта всех иностранных купцов города, в то время как в период с октября

1391 г. по 8 декабря он составил 2679 фунтов стерлингов, что являлось лишь 64 % от общего объема импорта, но тут как иностранцами, так и местным купечеством (Бережков 1879, 78). Самым же высоким когда-либо зарегистрированным годовым показателем торгового оборота в Бостоне при участии ганзейских купцов можно назвать промежуток в двенадцать месяцев, начиная с 28 ноября 1386 года. Тогда совместный экспорт Ганзы и англичан оценивается в 20804 фунта стерлингов, импорт же составил 8844 фунта стерлингов, 43 % от общего объема торговли в Англии и 61 % от всего импорта (Кёнингэм, 1909, 79–81). Сведения разных источников подтверждают важнейшую роль торговли в Бергене, которая состояла почти полностью из импорта вяленой рыбы и китового жира. Лишь небольшое количество других товаров, таких как древесина, необработанная кожа и шкуры, могло поступать из Норвегии; периодически бывали поставки пива из северонемецких городов.

Ганзейский экспорт почти полностью состоял из сукна, и Бостонский контор был, вероятно, первым, кто в период торговой экспансии, начавшейся в середине XIV века, начал выпускать английские сукна в больших масштабах. В период между 1353 и 1372 годами бостонский экспорт тканей был тесно связан с экспортом города Линна, но основная доля ганзейской тор-

говли все же приходилась на главный порт (Bridbury, 1982, 118). Бостонский контор постепенно увеличивал свои инвестиции в оборот тканями, в том числе реэкспорт материковых. Таким образом среднегодовой экспорт за 1365–1372 годы был равен 1493 единицам, а уже в период с августа 1377 года по октябрь 1399 года экспорт ганзейской ткани только из Бостона составлял в среднем чуть менее 2000 единиц в год, что на треть больше, чем ранее экспортировали вместе Бостон и Линн. Несколько более высокий средний показатель свойственен только для 1390-х годов, но эти цифры лишь отражают фактор ранее необлагаемых налогом проливов, который не должен искажать общей ситуации с ганзейской торговлей в Бостоне. Еще нужно учитывать, что некоторые ганзейцы по-прежнему перевозили пряжу, которая не входила в списки налогооблагаемых тканей. Вообще трудно установить точные объемы экспорта, но совершенно ясно, что в конце XIV века Бостонский контор имел значительное превышение импорта над экспортом. Также практически невозможно отнести конкретные фамилии купцов к какому-либо одному портовому городу, а порт отправления судов можно вычислить только приблизительно по перевозимым товарам, пользуясь способом, описанным ранее. По ряду источников известно

лишь, что в это время в бергенской торговле по-прежнему доминировали купцы из Любека, потому логично, что эта купеческая группа занимала крупнейшее место и среди бостонских импортеров. Так, в 1383 году члены городского управления Бостонского контора и ганзейцы Бергена (*Bergenfahrer*) встретились с представителями Ганзы Лондона, городов Халла и Ярмута, где все стороны согласились заплатить вмененную иском пошлину в пользу лондонской канцелярии (Larpenberg, 1851, 41).

В долгосрочной перспективе, безусловно, видна существовавшая корреляция между импортерами и экспортерами тканей, но эти детали редки, изменчивы, а потому не сразу заметны. То же самое относится и к судам, задействованным в этих сделках — ни один маршрут и последовательность портов, в которых побывало судно, не раскрывает полностью типичной картины взаимодействий. Так, например, между 6 декабря 1383 г. и 29 сентября 1384 г. пятнадцать членов Бостонского контора (ни один из них не был членом экипажа кораблей, все они торговали удаленно) импортировали товары на сумму 1620 фунтов стерлингов, но только четверо из них были задействованы в экспорте английской ткани на сумму 2253 фунта за тот же период (Штокмар, 1973, 122). Еще один пример

показывает, что за год с 28 ноября 1386 г. по 28 ноября 1387 г. года было импортировано в Берген товаров на сумму 8844 фунта стерлингов, из которых 894 фунта относились к капитанам и морякам судов, а остальная доля принадлежала сорока девяти или пятидесяти купцам Ганзы, не принимавшим личного участия в плавании. И только девять предпринимателей из пятидесяти были в дальнейшем замечены в экспортировании английских тканей на общую сумму 4407 фунтов (Штокмар, 1973, 128). Опять же, из пятнадцати судов, занятых в торговле импортом, только два были снабжены грузом перед отправкой из Англии. Одно судно зашло в порт Бостона 4 февраля и вышло 20 февраля 1386 г., груженное ганзейским сукном на сумму 2499 фунтов стерлингов, другое судно прибыло 16 февраля и ушло 1 апреля с тем же грузом на 247 фунтов и 220 фунтами местного сукна. 30 апреля первое из них снова ушло из порта с еще одним судном, их общий экспорт ганзейского сукна по стоимости приравнялся к 1828 фунтам стерлингов, однако в дальнейшем не было зарегистрировано обратных рейсов ни для одного из них. В качестве финального примера этой тенденции можно привести календарный год, начавшийся в сентябре 1390 г., за который Ганза через Берген импортировала товара на общую

стоимость 3779 фунтов стерлингов, принадлежавшего восьмидесяти двум купцам, за исключением всего 2 фунтов, приписанных капитану корабля (Кириллова, 1979, 54). Экспортеров ткани насчитывалось семьдесят два, практически все из которых фигурируют также в списке импортеров тканей. Например, есть запись о пяти судах, вышедших из порта Бергена 13 ноября с разнообразным импортом в Бостон, в обратном же направлении вышли 4 января лишь три из них, груженные английским экспортом, а четвертый — 18 февраля, неся в общей сложности 1004 единицы ганзейских тканей, 312 единиц пряжи, и 35 тканых изделий английского производства. 4 апреля два из этих ганзейских судов снова появились в порту Бергена с импортом для Англии и вышли из Бостона 8 и 18 мая с экспортируемыми 629 единицами ганзейских тканей, 135 единицами пряжи и 133 ткаными изделиями английского производства.

Несмотря на большое количество дошедших до нас купеческих имен, которые скрупулезно отражены канцелярией Бостона, вероятно, что многие из этих купцов никогда и не ступали на берега этого порта, так как для их бизнеса было достаточно управления их комиссионными агентами, которые, являясь их акторами, действовали на земле от их имени, пользуясь их привилегиями.

Так, нет ничего удивительного в примере, что когда в 1407 году судебный исполнитель Линкольншира разослал приказы о созыве присяжных (*venire facia*), из числа пятидесяти четырех приглашенных ганзейских купцов только семеро явились лично в Королевскую канцелярию. Но тогда Бергенский контор, по-видимому, не желая портить отношения с группами ганзейцев в лондонской штаб-квартире и других городах Англии, согласился внести свой вклад в судебные издержки Лондонского контора.

Зависимость местных бостонских экспортеров английской ткани от рынка на Балтике была причиной потенциального соперничества между ними и ганзейскими купцами, хотя на практике это, возможно, не было чем-то серьезным. Вполне вероятно, что большая часть ганзейского сукна предназначалась для рынков в западной части Балтийского региона, и хотя, несомненно, бостонцы направляли товар и туда, они концентрировали свое внимание на прусском рынке. Об этом нам известно благодаря сохранившимся годовым отчетам Бостонской канцелярии (HR, 388).

Торговля Ганзы в Халле

Северный контор Ганзы находился в городе Халле (ныне *Kingston upon Hull*), но, как обычно, заморские купцы уже бывали там задолго до его образования. Удачное рас-

положение города, основанного в XII веке, в прибрежной области северо-востока Англии определяло его суть. В четырнадцатом веке в Халле торговля уже кипела. Из анналов этого города до нас дошло очень яркое имя ганзейского купца Генри Ваймана, чья торговля зарегистрирована во многих таможенных записях казначейства Халла в период между 1378 и 1399 гг. Он женился на дочери мэра Йорка, стал свободным человеком города в 1387 г., получил статус городского жителя на следующий год и позже, в начале XV века, становился трижды мэром города. Карьера Ваймана была далеко не типичной и, несомненно, привела в конечном итоге к тому, что он был вынужден отказаться от членства в Ганзе (Bartlett, 1958, 132–133).

Масштабы ганзейской деятельности в землях графства Йоркшир следует выводить главным образом из общего объема экспорта тканей. Этот товар является наиболее детально изученным по дошедшим до нас немногочисленным письменным источникам. Так, первая регистрация казначейства в 1350–1360 годах сообщает о 35 единицах экспортируемой ткани, которые увеличиваются до 62, 107 и 169 в последующие три года; в течение следующих двух лет экспорт вырастает в среднем до 327 единиц, но затем наблюдается спад до 139 единиц в период с 1366 по 1372 год. Позже, между 1379

и 1391 годами, числа колеблются, составляя в среднем 319 единиц в год. Из-за включения Англией проливов в облагаемые налогом области в течение следующих восьми лет число единиц ткани сократилось до 272. Фрагментарные отчеты об отчислениях ганзейцев с каждого вырученного фунта стерлингов и тоннаже грузов показывают, что большая часть перевозимой ткани состояла из обычного сукна, которое оценивалось менее чем в 30 шиллингов за единицу. Так как Ганза экспортировала из Халла в основном только ткани, а остальные сферы были подвластны местным купцам, то ценность англо-ганзейской экспортной торговли здесь может быть четко определена. С импортом же ситуация сложнее из-за практически не сохранившихся записей о происхождении купцов и списков ввозимых товаров. Также идентификация затрудняется очень плохим состоянием большинства из сохранившихся документов. Однако самый ранний из них, 1378–1379 гг., показывает, что торговля с Ганзой в Халле продолжалась на протяжении всего длившегося кризиса англо-ганзейских отношений (Стам, 1974, 25–32). Ткань продолжала экспортироваться, несмотря на недружелюбный налог того времени «для иноземцев» (*alien rate*). С тех пор дошли сведения лишь об одиннадцати ганзейских кораблях, которые импортировали принад-

лежащую иностранцам сельдь стоимостью 200 фунтов стерлингов, разнообразные товары и изделия с Балтийского побережья стоимостью 193 фунта стерлингов и 16 центнеров воска. Еще по меньшей мере два других ганзейских судна фигурируют в сильно поврежденном документе, объемы и тип грузов не известны. Четыре из этих кораблей принадлежали Любеку, один — Кампену, пять из Данцига и по одному из Эльбинга, Кёнигсберга и Браунсберга.

Большая часть ганзейской торговли в Халле была ориентирована на Балтику, и преобладание среди ганзейцев прусских кораблей тоже неудивительно ввиду привлекательности рынка и политической ситуации того времени. Тем не менее большая часть прибалтийской торговли восточной Англии прочно находилась в руках местных жителей, иностранные купцы тут растворялись в массе рыбацких, китобойных и торговых судов англичан. Йоркширцы были самой многочисленной группой среди англичан, чьи суда числились в порту Халла. Но и ганзейские, и английские купцы не всецело зависели от прибалтийских рынков при экспорте из Халла. Ганзейские купцы очень широко распространяли свой капитал, в том числе отправляя товары на юго-запад Франции в Гасконь. В этом отношении Халл заметно отличается от портовых городов Бостона и Линна.

Хотя крупная часть импорта в Халл и поступала реэкспортом из Нидерландов, значение Балтийского побережья сложно переоценить, так как львиная доля импорта в Халл состояла из сельди, привезенной из Норвегии, а прусские суда стабильно обеспечивали город различными товарами. В 1398–1399 годах общая стоимость импорта Халла, кроме вина, составляла 3550 фунтов стерлингов, из которых из Прибалтики поступало товара на 1715 фунтов стерлингов. И очень красноречивы записи об импорте сельди; так, англичане ввезли ее на общую стоимость в 1153 фунта стерлингов, а ганзейские купцы — на 84 фунта. Известна общая сумма всех прочих товаров за тот год, их оборот составил 478 фунтов стерлингов, однако точного распределения между группами купцов не сохранилось, хотя вполне очевидно, что англичане владели большей ее частью. На основании немногих уцелевших документов можно сделать вывод, что зачастую английские шкиперы отправлялись практически совершенно пустыми, будучи уверенными в загрузке кораблей сельдью на обратном пути. Потому и не было сильной конкуренции между ганзейским и английским купечеством из-за ввоза сельди. Однако до сих пор неизвестно о характере финансовых отношений между экспортерами тканей и гораздо большим числом импортеров сельди; ясно лишь то, что колоссальный импорт сель-

ди подразумевал ее реэкспорт, главным образом в Гасконь, обеспечивая тем самым основной экспорт Халла после шерсти и ткани. И задействованы в этом были все купеческие группы без исключения.

Торговля Ганзы в Ярмуте

Третий по размеру провинциальный ганзейский контор располагался в городе Ярмуте. Он был в значительной степени монополизирован гамбургскими купцами, которые ушли отсюда в начале XV века, что было позднее признано серьезной потерей для города. Это фактически положило конец ганзейской торговле в регионе. Сохранившиеся записи казначейства Ярмута лучше всего иллюстрируют доминирующую роль Гамбурга, а именно налоговые отчисления с марта по 26 декабря 1388 года (HUB, 231). Так, 15 мая три гамбургских судна вошли, груженные типично северными товарами общей стоимостью 1218 фунтов стерлингов, и все вышли из порта 20 июня с грузом английской ткани и сыра на общую стоимость в 1344 фунта. Четвертый корабль вошел 16 сентября с аналогичными товарами стоимостью 276 фунтов и ушел 18 октября с экспортом английской ткани на сумму 288 фунтов. Еще известно о трех других гамбургских судах, по видимому, принадлежащих частично ганзейцам и частично уроженцам Ярмута. В Ярмуте

торговали ганзейцы и из многих других городов, но, в отличие от гамбургских, которые были связаны с регулярной торговлей контора, первые, как правило, не могли похвастать схожим объемом и постоянством торговли. К сожалению, с июля 1362 года до конца XIV века в Ярмуте действовал удушающий торговлю королевский налоговый сбор, до появления которого ганзейские купцы давали процветать и местным английским ремесленникам, торговцам пряжей и выделанной кожей, экспортируя их продукцию. Цифры, однако, до нас не дошли.

Импортировать в Ярмут, богатый собственными рыболовецкими экипажами, сельдь с Балтики ганзейцам не имело особого смысла, зато различные ввозимые ткани пользовались спросом. Ярмут, должно быть, считал балтийскую рыбу отвратительным соперником.

Торговля Ганзы в Линне

Еще один портовый город, Линн, был важной узловой точкой в бурно развивающейся англо-балтийской торговле, но здесь даже в конце XIV века так и не был сформирован ганзейский контор. Объяснение заключается в том, что граждане Линна сами стремились торговать и не сильно приветствовали ганзейских купцов. Также именно горожане Линна выступали за препятствия Ганзе в торговой

монополии на рынке Бергена. В 1303 году ганзейцы даже ввели бойкот порта Линн, который, хотя и не был полностью эффективным, продолжался до 1310 года, когда городские власти согласились на восстановление прежних привилегий купцов. После этого он снова стал центром ганзейской деятельности. Единственным исключением, пожалуй, можно считать купцов из Бремена, чей город лишался ганзейского статуса с 1275 года до 1358 года; к ним отношение было более дружелюбным, с ними, по крайней мере, шла регулярная торговля, пусть и скромная по объемам. Подтверждением тому явился случай с бременским купеческим судном, направлявшимся в Линн, но сделавшим вынужденную остановку у берега близ Гримсби. Судно, неизвестное местным жителям, было арестовано. Его выпустили из порта лишь после того, как бременские ганзейцы вернулись из Линна с письменным разъяснением их принадлежности. Линнские власти ручались в письме за ганзейских купцов, перечисляя их поименно, и заявляли, что хозяин судна и купцы регулярно приезжали в город в течение пяти лет и, более того, считались в Линне «добрыми друзьями и доброжелателями короля» (CCR, 600). Линн также известен своим крупнейшим в истории отношений Ганзы и Англии иском о возмещении ущерба, поданный девятнадцатью крупными торговцами Линна после

арестов их судов с грузами в Пруссии в 1385 году. Общая сумма иска составила 1913 фунтов стерлингов 3 шиллинга 4 пенни, хотя позднее сумма была сокращена до 1027 фунтов стерлингов 13 шиллингов 3 пенни (HR, 432). Несмотря на этот случай, многие из числа этих купцов продолжали торговать в Пруссии и заняли видное место в сохранившихся таможенных документах 1390-х годов. Это доказывает, что город ставил свое экономическое процветание на балтийском и норвежском рынках превыше политических задач.

Про товарооборот самого Линна мы можем узнать благодаря ряду уцелевших записей городского казначейства. Так, между 1 апреля 1390 года и 29 сентября 1391 года в порт Линна вошли сорок три ганзейских судна, груженых импортными товарами из материковой Европы. Восемь из них привезли вина из Гаскони, пять кораблей везли соль (вероятно, из Бискайского залива), два судна везли основным грузом миногу. Еще два судна пришли из Норвегии с рыбой (653 фунта стерлингов), четыре из Прибалтики с вяленой сельдью (1355 фунтов стерлингов), остальные двадцать два корабля импортировали разнообразные прибалтийские товары на общую сумму в 1503 фунта стерлингов. Собственных судов Линна явно не хватало для перевозки всех товаров, попадавших в порт города, очевидно, им приходилось нанимать еще большее число

иностранных судов как для своего собственного пользования, так и вступать в совместные предприятия с ганзейскими кораблями. Так, для перевозки небольшого (по стоимости) количества прибалтийских товаров требовалось множество иностранных судов. Например, известно, что для импорта товаров всего на сумму 2313 фунтов стерлингов потребовалось задействовать сорок одно судно. Документ дошел до нас частично, и уже невозможно сказать, как точно разделялись эти грузы на английскую и ганзейскую части, но доподлинно известно, что торговцам Линна приписывается 90 процентов от общей суммы. А вот суда, перевозившие этот объемный груз, были в основном ганзейские. Большинство из них принадлежало прусским ганзейцам (Данциг — двадцать пять, Эльбинг — один корабль), два судна из Бремена, три — из Гамбурга, четыре — из Висмара, два штральзундских, одно — из Кампена и три — из Веере. Хорошо видно, что специфика линнской торговли редко оставляла место исключительно ганзейским торговым предприятиям, они были крайне немногочисленны. Единственные действительно существенные поставки чисто ганзейских купеческих групп сделали два судна, принадлежавшие бременской группе (общая сумма импорта — 414 фунтов стерлингов), одно из которых было из Любека с грузом на 136 фунтов стерлингов. Другие пришедшие в Линн

четыре судна (Гамбург — два, Висмар — одно, Щецин — одно) имели груз общей стоимостью всего лишь 25 фунтов стерлингов (Гуревич, 1990, 97–131).

Может сложиться представление о Линне как о городе, сильно зависящем от балтийской торговли, оно в полной мере подтверждается сохранившимися данными по экспорту. Так, в период между 30 ноября 1390 года и 29 сентября 1391 года только пять ганзейских судов покинули порт с отличающимися от тканей товарами, хотя даже на этих судах ткань присутствовала как не основной товар (общая стоимость ткани — 190 фунтов стерлингов, все прочие товары — на сумму 145 фунтов) (Кёнингэм, 1909, 57). За тот же период семнадцать кораблей отплыли из Линна, груженные одной только тканью на общую сумму 3265 фунтов стерлингов. И хотя мы не можем быть уверены, что абсолютно все эти суда направлялись в Балтику, нет никаких сомнений в том, что большинство из них держали путь туда, так как мы видим их в списках вернувшихся в Линн, груженными балтийской сельдью (Кёнингэм, 1909, 59–60).

Доля Линна в торговле с городами Гаскони и портом Кале также значительно выросла за XIV век, главным образом за счет экспорта зерна, средний объем которого составлял около 900 фунтов стерлингов. Английские ткани также экспортировались туда, но их

предельная стоимость не превышала общую сумму в 300 фунтов стерлингов. К этому обычно добавлялось небольшое количество реэкспортируемой сельди, предметы галантереи, рис и другие товары в незначительном объеме. Наконец, до нас дошло свидетельство ряда экспортных сделок ганзейцев совместно с гражданами Линна, имевших место с 12 февраля 1396 года по 17 февраля 1397 года. Документ примечателен тем, что экспорт английской ткани здесь регистрируется по количеству экземпляров (153 штуки), а не по ее общей стоимости (Кённонгэм, 1909, 84). Вместе с тканью Линн отправил за эти месяцы лишь 17 единиц пряжи (которые вместе не могли стоить больше 300 фунтов стерлингов) на девяти кораблях собственного порта и еще одном ганзейском из Ньюкасла (Petri, 1961, 34–57).

Конец XIV века был, конечно, сложным периодом в заморской торговле Линна, и нет никаких сомнений, что это объясняется в первую очередь массовым арестом английских судов в Данциге в период между февралем и августом 1396 года (Кённонгэм, 1909, 44, 86). Можно предположить, что торговля Линна в подавляющем большинстве концентрировалась на прибалтийских рынках, главным образом в Пруссии, поэтому когда случился упомянутый выше политический кризис, горожане Линна и задействованные в Данциге

Таблица 2. Объемы экспорта ганзейцами английских тканей в портовых городах Халл, Бостон, Линн в конце XV в.
(в фунтах стерлингов £)

	Халл	Бостон	Линн
1474–1475 гг.	444	31	270
1475–1476 гг.	438	283	307
1476–1477 гг.	435	–	84
1477–1478 гг.	208	548	129
1478–1479 гг.	232	185	187
1479–1480 гг.	791	265	183
1480–1481 гг.	915	242	184
1481–1482 гг.	690	62	181
1482–1483 гг.	387	214	79
1483–1484 гг.	334	152	89
1484–1485 гг.	29	283	145
1485–1486 гг.	337	–	46
1486–1487 гг.	68	–	192
1487–1488 гг.	116	67	280
1488–1489 гг.	43	32	777
1489–1490 гг.	105	31	32
1490–1491 гг.	–	–	30

Таблица 2 (продолжение)

	Халл	Бостон	Линн
1491–1492 гг.	148	146	338
1492–1493 гг.	619	—	480
1493–1494 гг.	444	—	17

Источник: Ewert und Selzer, 2016, 24–58, 60–81.

купцы Ганзы неизбежно понесли убытки, что видно из экспортного оборота. Из-за бытовавшей в эти годы широкой практики откупов от налогов (*tax-farming*) записям казначейства об экспорте, шедшем из Линна до сентября 1394 года, стоит доверять с оглядкой. Тем не менее, с тех пор и до 1399 года средний экспорт города составлял 1602 фунта стерлингов в год. Гораздо более детальные данные по некоторым вышеперечисленным торговым городам, дошедшие до нас, можно увидеть в таблице 2 на примере записей конца XV века.

Ганза в других портовых городах Англии

Из прочих английских портов, в которых торговали ганзейские купцы, не все стоят упоминания. Например, в Ньюкасле ганзейский экспорт сукна был настолько неболь-

шим, что в 1390-е годы его объем составлял в среднем 20 фунтов стерлингов в год. С другой стороны, изрядное число сохранившихся подробностей доказывает, что данные по вывозу сукна не являются здесь надежным ориентиром для общей ганзейской торговли, поскольку в исключительных случаях стоимость других видов экспорта часто превышала стоимость сукна. В отличие от Линна, Ньюкасл не стремился торговать на Балтике сам, тут в основном действовали немногочисленные ганзейские купцы (Postan, 1987, 193).

Город же Ипсвич вовсе является чем-то вроде загадки этого периода, так как все его финансовые операции срastaются с Ярмутом и теряются. Одним из важных суконных городов Англии был Колчестер, из которого три купца подавали иски на возмещение ущерба на общую сумму 104 фунта за потери в Пруссии в 1385 году; лишь 43 фунта удалось компенсировать (Britnell, 1986, 54–71).

Сохранившиеся таможенные записи казначейства города Сэндвича регистрируют нечастые и очень небольшие поставки ткани, экспортируемой отсюда ганзейскими купцами; торговля остальными видами товаров и вовсе незначительна (HR, 362).

Только в Саутгемптоне ганзейские купцы, по-видимому, приложили серьезные усилия для основания здесь своего форпоста — контора. Первый экспорт ткани был зарегистри-

рован в 1382 году и с тех пор до 1399 года в среднем составлял около 20 единиц в год, хотя были и длительные периоды простоя. По счастливой случайности до нас дошел документ казначейства, составленный в течение года с самым большим показателем экспорта для этого города (1390–1391) (Allen, 2016, 38). Из общего количества в 114 единиц сукна за этот год 12 экспортировали на судне Саутгемптона, 89 ушло с купцами на судне Эльбинга и 13 — на судне Любека. Вероятно, Ганза была не так заинтересована в Саутгемптоне для торговли тканью, ее купцов город привлекал в качестве потенциального рынка для сельди. Так, корабли из Кампена привезли сюда значительное количество сельди еще в 1371–1372 годах, и эти купцы пытались поддерживать торговлю вплоть до XV века, несмотря на бремя местных таможенных пошлин, которые, как они жаловались, незаконно взимались с них. Однако единственной документальной нитью, связывающей торговые интересы Саутгемптона с Балтикой, является коллективный иск полдюжины торговцев из Солсбери и винчестерского купца о компенсации потерь в Пруссии в 1385 году на общую сумму 134 фунта стерлингов и 43 фунта соответственно (HR, 112). В деталях к этому делу содержится информация, что товар потерпевших проходил в том числе через порт Саутгемптона.

В портах между Сэндвичем и Саутгемптоном не было никакой регулярной торговли, как и в любом другом порту на западе страны — для ганзейцев они не представляли интереса. Очень редко, когда ганзейский судовладелец доставлял груз соли в Бристоль, и хотя документов о подобном импорте до нас не дошло, можно судить о незначительности подобных сделок по непрямым источникам.

Ассортимент товаров, отправлявшихся из провинциальных портов Англии на север Балтики, был гораздо уже, чем товаров, поставлявшихся сюда. Однако, в отличие от английских, ганзейские купцы по крайней мере имели тут долю в экспорте не только шерсти. Единственное, что их действительно интересовало на этом направлении, — это соль и сукно. Соль, экспортируемая из Халла, Бостона и Линна, была очень кстати для ганзейских судов, которым в противном случае пришлось бы возвращаться домой с бесполезным балластом, а также она легко продавалась на рыбных промысловых рынках Сконе. Это отлично объясняет преобладание торговых кораблей из Штральзунда, груженных солью.

*Итоги торговых отношений Ганзы
и английских портовых городов*

В конце XIII века провинциальными городами, занимавшими наиболее заметное место в ганзейской торговле, были Бостон,

Линн и Халл, хотя ганзейским интересом пользовались и другие порты восточного побережья Англии. Самые старые и крепкие торговые связи были установлены с первыми двумя городами. Шерсть экспортировалась немцами из Халла по крайней мере еще в 1270-х годах, а в 1294 году общий арест иностранных судов в портах Англии заблокировал гораздо больше ганзейских судов в портах Йоркшира, чем где-либо еще в Англии. Халл и еще один портовый город Рейвенсер, ушедший под воду к 1362 году, были главными конкурентами Бостона и Линна в ганзейской торговле на рубеже тринадцатого и четырнадцатого веков. Общий состав ганзейской торговли варьировался от одного провинциального порта к другому, но во всех них разнообразие товаров, как для экспорта, так и импорта, было шире, чем в Лондоне.

Резюмируя, можно сказать, что интересы Ганзы к рынку Англии были в подавляющем большинстве направлены на Лондон и лишь несколько крупных портов восточного побережья. Поэтому для дальнейшего углубления исследований англо-ганзейских связей поиски в другом месте нерелевантны. Пусть суммарный объем торговли Ганзы все же выше во второстепенных портах Англии, но выстраивается предположение, что деловой акцент деятельности Лиги был сосредоточен

на Лондоне из-за его масштаба и размещения там всех органов власти; географическое же расположение столицы в глубь материка по течению Темзы было не лучшим для транспортировки и хранения товаров.

Англо-ганзейские связи как фактор политизации Ганзы

В англо-германских связях внутри Ганзейского союза примечателен сам факт того, что торговые привилегии, которыми пользовались ганзейские купцы, уменьшали как собственные доходы короля, так и доходы его подданных. Удивительно, что вопрос об обладании такими правами не занимал более заметного места, чем это делалось на протяжении большей части средневековья. Так, поначалу английская корона довольствовалась предоставлением торговых льгот просто «купцам Германии» (*mercantora Almain*), не стремясь более точно определить тех, кто подпадал под эту категорию. Даже когда проблемы, вызванные осуществлением этих свобод, стали напрямую затрагивать местное купечество, король не спешил с четким решением о том, кто именно должен пользоваться торговыми привилегиями. Вместо этого была принята прагматическая политика о запросе к должностным лицам Ганзейского Гильдхолла в Лондоне, чтобы

те сообщали, кто являлся членом Лиги, а кто нет. Те, в свою очередь, были склонны признавать почти каждого немецкого купца, оказавшегося в затруднительном положении, членом торговой организации. Право на членство в Ганзе как бы вытекало из гражданства жителей некоторых немецких городов. Так, позднее английские власти заявили, что рождение в торговых городах Ганзы является обязательным условием для членства в Лиге. В источниках начала XIV века к ним относятся города Кёльн, Дортмунд, Мюнстер, Зоест, Оснабрюк, Реклингхаузен, Любек, Гамбург, Грейфсвальд, Готланд и Динант. Все они упоминаются как места, из которых купцы успешно запрашивали корону о защите своих льгот, когда их товары подвергались изъятию. В этот список могут не входить все города, из которых членство в Лиге было почти автоматическим, но было бы ошибочно пытаться этот список слишком расширять, так как членство в то время было открыто не для всех немецких купцов. С другой стороны, важнее подчеркнуть, что деятельность самой Ганзы не была тогда ограничена никакими действиями английской короны (Britnell, 1986, 54–71).

При условии, что граждане определенного числа городов имели право на членство в Ганзе, возникает вопрос о том, автоматически ли они становились членами, когда при-

езжали в Англию, или же они должны были официально быть приняты в организацию. Если последнее, то являлось ли членство добровольным или обязательным? Очевидно, что членство не было полностью автоматическим, поскольку известно, что существовали исключения или высылки из страны, которые, безусловно, имели место. Так, когда несколько северогерманских кораблей посетили Линн в 1303 году в нарушение ганзейского бойкота города, капитаны и торговцы были вызваны, чтобы предстать перед старшими членами Ганзы на бостонской ярмарке, и получили выбор между крупным штрафом за свое преступление либо изгнанием из организации (*«extra judicium ac libertatem Teutonicorum ponerentur»*). Они выбрали первое (Смирнова, 2010, 41).

К 1300 году немецкая торговая община, обосновавшаяся в Лондоне, насчитывала уже более ста лет. Некоторые из ее членов получили статус граждан города, и эта группа, вероятно, несла основное бремя управления коллективными интересами Ганзы. Ее лидерство основывалось не на численности и не на экономической мощи, а на исторической роли общины и, что более важно, на приближенности к английскому правительству. Во второй половине XIII века доля Германии в провинциальной торговле Англии

значительно возросла. Те немецкие купцы, которые, вероятно, бывали реже в провинциальной Англии, зачастую отправляли в провинциальные порты товары под охраной других соплеменников и партнеров; число таких купцов было гораздо больше тех, кто торговал исключительно в Лондоне. При этом участие в лондонской торговле явно не поспевало за общим ростом, а в некоторых секторах наблюдался даже абсолютный спад. В результате торговля лондонских немцев сократилась по сравнению с торговлей в провинциях, а также с торговлей других иностранцев, действовавших в столице. Трудно определить точно, когда эти тенденции были обращены вспять. Ганзейская торговля в Лондоне не увеличивалась до середины четырнадцатого века, хотя общая доля Ганзы в английской торговле, вероятно, получила серьезный импульс на ранних этапах Столетней войны. Помимо очевидного факта, что некоторые национальности купечества были тогда в невыгодном положении, будучи классифицированными как враги, многие немецкие купцы внезапно проявили непривычную готовность одалживать деньги королю, что, естественно, сопровождалось увеличением их торговой прибыли.

В то время как ганзейская доля в торговле английской шерстью начинала свой

рост вследствие англо-фламандских торговых споров 1270-х годов, Лига еще больше выиграла от англо-французской войны 1294–1297 гг. и ее последствий. Наряду с уменьшением прямого участия фламандцев в английской торговле, ганзейская торговая экспансия серьезно ослабила крупные итальянские группы купцов, которые доминировали в Англии до этого. Сохранившиеся таможенные отчеты начала XIV века ясно показывают, что по крайней мере в течение короткого периода немцы были самой экономически влиятельной группой иностранных экспортеров в Англии, в частности, об этом говорит рост доли их участия в торговле английской шерстью. Что еще важнее, благодаря англо-французской войне и выдаваемым Ганзой английской короне ссудам на ее ведение, кроме чисто экономических выгод, политический вес Лиги в Англии достиг апогея.

Погашение займов короля принимало форму упразднения для купцов местных надбавок к пошлинам и даров из ввозимых в Англию товаров для местной знати. Ганзейцы, конечно, не получали всего, что им было обещано короной; большинство их жалоб и просьб на тему смягчения местных поборов так и остались не услышаны. Но в конце концов суммы их кредитов короне стали настолько велики, что выплаты долгов дополнялись общим

смягчением на таможенный взнос за ввозимые товары и прочими законодательными поблажками, то есть прямо влияли на источники королевских доходов. Хотя ранние ссуды, несомненно, были инициированы как средство получения экспортных лицензий для Ганзы, более поздние суммы займов свидетельствуют о том, что они давались в качестве коммерчески обоснованного вклада в дальнейшее экономическое и политическое усиление Лиги. Это единственный, весьма значимый период в истории англо-ганзейских связей, когда купцы вступали в такие отношения с короной. Серия займов королю Англии продолжалась до 1350 года. Более ранние небольшие ссуды были объединены рядом отдельных ганзейских групп, каждая из которых хотя и не была корпоративным образованием, как итальянские общества, но представляла собой объединение отдельных лиц, группу, которые торговали независимо, но имели деловые связи друг с другом. Так, один из более поздних займов был выдан от имени купца Тидемана Лимберга, сравнительно недавно прибывшего из Дортмунда. Но вряд ли он просто использовал свой собственный капитал — можно с уверенностью предположить, что он пользовался коллективными ресурсами ганзейских купцов и выступал от имени какой-то их группы (Petri, 1961, 84–92).

Все торговые привилегии, которыми пользовались немцы Ганзы в Англии в позднем Средневековье, были полностью юридически обоснованы в 1317 году. Последующие переговоры по этой теме касались толкования существующих уставов в свете меняющихся политических и коммерческих обстоятельств. Для защиты прежних непростых завоеваний купцам требовалась постоянная бдительность. Льготы были плодом прямых переговоров между короной и местным ганзейским сообществом, причем значительные суммы денег переходили из рук в руки в критические моменты. Купеческая община была автономна и в этих вопросах, возможно, действовала совершенно независимо от родных городов своих членов, хотя нет никаких достоверных доказательств этого. Более вероятно, что корона не вела прямых переговоров с городами. Время от времени король писал в отдельные ганзейские города, требуя возмещения ущерба для своих подданных, интересы которых якобы были ущемлены местными торговцами. Используемые формулы не отличаются от тех, что встречаются в письмах, адресованных фламандским городам по аналогичным вопросам. Они не дают никаких указаний на то, что английское правительство в то время знало о том, что немецкие города были частью какой-либо торговой ассоциации. До относительно позднего

времени ганзейские купцы в Англии продолжали вести переговоры без внешней помощи или вмешательства, возможно, потому что они предпочитали именно такой подход. Уже в 1360-х годах они смогли без посторонней помощи добиться выполнения требований об иммунитете от экспортной пошлины на английские ткани, введенной в 1347 году. Десять лет спустя купцы обратились за помощью к Ганзейскому сейму в другом споре о налогообложении. Примечательно, что это последовало сразу за Штральзундским договором 1370 года, который успешно завершил открытый военный конфликт Ганзы с Данией и который некоторые ганзейские историки называют одним из важнейших событий в переходном периоде Ганзы (Walford, 1881, 447–476). Однако первое же вмешательство Ганзейского сейма создало политический прецедент, пути назад уже не было. Так, Лондонский контор ганзейцев больше не считался полностью компетентным для сношений с короной.

Смерть Эдуарда III в июне 1377 года привела к коренным изменениям торговых свобод Ганзы и всех других иностранцев в Англии. По меньшей мере было обязательно, чтобы все те, кто желает продолжать пользоваться установленными для них привилегиями, как можно скорее получили бы их подтверждение от нового короля. Так, заседание

английского парламента в октябре-ноябре 1377 года дало возможность заинтересованным и близким к короне сторонам лоббировать подтверждение своих собственных привилегий и отмену льгот своих конкурентов. Эта ситуация, естественно, порождала недовольство среди всей английской торговой элиты и поднимала вопрос о ганзейских монополиях и завышении цен на английском рынке.

Задержка по подтверждению имеющихся привилегий у большинства ганзейцев в Англии произвела на Лондонский контор двоякий эффект. С одной стороны, он не мог сослаться на иммунитет от новых антииностранных налоговых мер в Лондоне, которые выходили за рамки санкционированных парламентом прошлой осенью. Каждому из главных городских управлений было приказано назначить специальных наблюдателей, чтобы чужестранцы не занимались розничной торговлей и не торговали между собой и чтобы они избавлялись от импортируемого товара в течение положенных сорока дней после прибытия судна в порт. С другой стороны, королевские таможенники либо по собственной инициативе, либо по указанию казначейства, стали требовать уплаты обеих пошлин на экспортируемую ткань — как установленную в 1303 году, так и вдобавок пошлину 1347 года. Любекские купцы были вынуж-

дены передать жалобу Лондонского контора прусским городам и Ганзейскому сейму, собиравшемуся тогда в Штральзунде.

Изучением вопроса торговых преференций для иностранных купцов занимался парламент, заседавший в Глостере в октябре и ноябре 1378 года. Тогда было решено, что ввозимые в Англию продовольствие и товары, отнесенные к категории мелких товаров, могут продаваться как в розницу, так и в валовом выражении как в пределах, так и за пределами наделенных избирательными правами районов. Но в городах вино и другие более крупные товары можно было продавать только оптом, и то только местным жителям, а не кому-то другому. Это законодательное определение прав иностранных купцов ставило их в значительно худшее положение, чем в царствование Эдуарда III.

Однако куда более важным стоит считать политическое решение этого съезда парламента, которое он вынес в ответ на ганзейскую петицию с просьбой о восстановлении привилегий (Rot. Parl., 52). Ганзейцам было поставлено условие, что им будет разрешено беспрепятственно торговать в Англии лишь в том случае, если они позволят английским купцам свободно торговать в своих странах. Кроме того, они не должны были противодействовать английским торговым интересам

в других местах, таких как Дания и Норвегия. Это было первое выражение английской короной через парламент принципа, что отныне ганзейские привилегии на Британских островах должны зависеть от пользования подобными же правами английским купечеством в Северной и Восточной Европе. В это время англичане были более едины в своей решимости, чем ганзейцы.

Торговые споры с лондонцами осложнялись язвительной напористостью последних; они пытались поднять вопросы, лежащие вне компетенции послов Ганзы, дальнейшие переговоры продолжились с членами английского совета наедине (Rot. Parl., 210–211). Однако переговоры даже в таком формате были на грани возможного, поскольку представители купечества Лиги были уполномочены дать ответы совету лишь на определенные требования английских властей, которые были рассмотрены Ганзейским сеймом в июне (Rot. Parl., 212–213).

Первое требование англичан заключалось в том, что английские купцы должны были свободно торговать в Ревеле, Пернове и Ливонии и во всех других областях, находившихся под юрисдикцией ганзейских городов или «всех тех, кто вообще принадлежал к их обществу».

Второе состояло в том, чтобы англичане имели права покупать, самостоятель-

но засаливать и закатывать в бочки сельдь в Сконе, после доставляя ее туда, куда они пожелают, без дискриминационного налогообложения.

В-третьих, требовалось, чтобы английские купцы и их имущество не арестовывались на ганзейских землях, что ограждало их тем самым от личных долгов и посягательств ганзейцев.

Последнее требование заключалось в том, чтобы все рынки и предприятия, принадлежавшие Ганзе в Англии, были в обязательном порядке сертифицированы английскими властями.

Таким образом, представителям Ганзейского союза было предложено восстановить бытовавшую ранее торговую хартию, но с необходимыми дополнениями, признающими отныне права англичан на торговлю в Норвегии, Сконе и районах, управляемых Ганзой. Это предложение они отвергли, как и приглашение задержаться в Англии, чтобы дожидаться заседания парламента, которое должно было состояться в январе 1380 года. К Рождеству они вернулись в Брюгге, и спор все еще не был разрешен, хотя каждая сторона, возможно, лучше теперь понимала экономико-политические устремления другой.

Когда же парламент собрался в 1380 году, Лондонский контор подал две петиции: одна

просила принять решение о восстановлении ганзейских торговых привилегий, другая же была с жалобой на повторное наложение налогов с оборота их товарами (HUB, 671–672).

Когда Ганзейский сейм вновь собрался в июне 1380 года, было решено пойти на встречу англичанам, в результате чего после 23 сентября 1380 года торговые и налоговые послабления были условно возвращены представителям контора в Лондоне. Сейм не уступил ни в одном из четырех пунктов, которые были выдвинуты годом ранее Англией, ни даже той смягченной версии документа, которая была сформирована впоследствии. Все, что теперь получили англичане, — это официальное заявление Ганзы, что английские купцы несомненно должны торговать так же свободно, как это делали немцы в Англии. Но никаких конкретных привилегий не было выписано, ни общих, ни именных, а все ссылки на Норвегию, Сконе и другие места были вовсе исключены из заявления.

Этот конфликт интересов, казалось бы, разрешился в феврале 1381 года, когда король официально ратифицировал концессию Эдуарда III от 8 февраля 1361 года, вернув тем самым ганзейцам торговые привилегии в Англии. Однако в мае 1382 года парламент снова присудил сбор платежей с общего оборота то-

варов иностранных купцов, и ганзейцы снова подали иск о неприкосновенности ввиду привилегий, но в ноябре королевский совет принял решение против них, и налог с купцов был взят ретроспективно (CCR, 401, 407).

Торговля между Англией и Германией была в то время крайне нестабильна, ганзейским импортерам приходилось откладывать имеющиеся у них капиталы из-за невозможности их репатриации. Английская корона запрещала иностранным купцам вывозить золотые и серебряные монеты из-за разгоревшегося в тот момент кризиса нехватки драгметаллов в Англии. Выходом для ганзейских купцов было перенаправление торговых приоритетов в сторону Нидерландов, в частности во Фландрию.

Продолжающийся рост недовольства со стороны английских купеческих общин делал опасным для Ганзы слишком энергичное политическое сопротивление короне и новым поборам.

Можно предположить, что к этому моменту угроза пиратства и разбоя на море, как консолидирующая все купеческое сообщество сила, по-видимому, уже не была особенно серьезной проблемой. Так в 1380 году из 22 морских инцидентов лишь 6 были связаны с пиратством, 3 — с грабежом товаров после кораблекрушения, 2 — с другими грабежами на суше, 6 — с хищениями,

вымогательством и т. п., 1 — с коммерческой халатностью, а остальные 4 — с претензиями к самой короне за захват вина и принудительное обслуживание судов.

12 мая 1385 года английский королевский флот атаковал и ограбил шесть прусских кораблей, стоявших на якоре в устье реки Звин, за что впоследствии требовалась компенсация ущерба с участвовавших в рейде английских купцов, по различным источникам она колеблется в размере от 2188 до 2933 фунтов стерлингов (HUB, 200, 203). Поскольку Англия в то время была в состоянии войны с Фландрией, то подобное нападение представлялось законной акцией против тех, кто торговал с их врагами. Для прусских же купцов Ганзы, конечно, это был непростительный акт пиратства.

Среди англичан, конечно, были и более сдержанные представители, они стремились не превращать спор с Пруссией в конфликт с Ганзой в целом, а разрешить его между собой как можно скорее. Тем не менее переговоры об урегулировании и компенсациях затянулись. Великий магистр долго отказывался ратифицировать Мариенбургский мирный договор (CCR, 151).

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в ходе своего спора с Англией Пруссия получила мало поддержки со стороны других членов Ганзы. Торгово-экономические отношения

с Англией, которые и так были не в лучшей форме на тот момент, ценились выше внутри-ганзейских связей.

Когда в феврале 1388 года состоялось очередное заседание английского парламента, лондонский контор пожаловался, что его торговые свободы попираются продолжающимися арестами, а также попытками заставить ганзейцев выплачивать установленные местными властями земельные сборы в размере десятых и пятнадцатых долей. Ответ был не очень удовлетворительным. Было решено скоропортящиеся товары освободить от дополнительных налогообложений, и все явно непрусские товары были также возвращены купцам из-под ареста, но везде, где было хотя бы подозрение на деловые партнерства с прусскими купцами, имущество должно было конфисковываться.

В 1390-е годы наблюдалось общее ухудшение отношений между Англией и Ганзой в целом, вызванное главным образом изменением восприятия Ганзы со стороны короны и английских торговых городов. Однако заседание парламента 1388 года фактически попыталось улучшить статус иностранных торговцев в Англии в целом, возродив статут свободной торговли Эдуарда III и постановив, что никакие льготы или обычаи не должны использоваться против свободы

английского рынка. Однако в январе 1393 года ограничения, наложенные на иностранцев в начале нынешнего царствования, были вновь введены, а именно условие, что иностранцы не должны вести дела только между собой и что их розничная торговля в Англии должна быть представлена исключительно продуктами питания (Stats., 82–83).

Налогообложение оставалось главным яблоком раздора между Ганзой и короной. От купцов по-прежнему требовали уплаты сбора с каждой 3 вырученных фунтов стерлингов, и, что было еще более неприятно купцам, все указывало на то, что платеж становится постоянной частью доходов короля, а не временным военным налогом на защиту путей торговли, каковым он якобы являлся изначально. Что еще более важно, при взыскании налогов английское казначейство отказывалось выполнять соглашения 1361 года о суммах на налогообложение торговли тканями. С начала 1380-х годов ганзейские купцы жаловались на то, что некоторые английские торговые города стали взимать надуманные налоги на экспорт английских тканей. В этом случае палата общин вступилась за ганзейцев, постановив, что все новые сборы должны быть приостановлены до вынесения решения следующего парламента (Rot. Parl., 272). 12 ноября 1390 года во время нового заседания парламента был поднят

и этот вопрос, и сбор податей возобновился. На осеннем парламенте 1391 года Ганза снова пожаловалась на то, что ее привилегии опять не соблюдаются (HUB, 1074). Но ганзейские купцы не могли долго в одностороннем порядке бойкотировать торговлю английскими тканями, так как это попросту передало бы весь рынок англичанам.

В целом, Ганзейский союз всегда предпочитал дипломатию, а не санкции, но в 1394 году Сейм написал английскому Королевскому совету и пяти английским городам, угрожая, что если ганзейские торговые привилегии не будут восстановлены, то английские купцы будут обременены новыми налогами во владениях Ганзы, в частности в Германии. Однако английское правительство проигнорировало данный ультиматум.

Также Ганзейский сейм просил у короля Англии гарантий, что его подданные перестанут атаковать ганзейские торговые корабли в отместку за ущерб, нанесенный пиратами в водах городов Ганзы. Сейм далее требовал полного возврата положенных льгот и угрожал, что, если он не получит удовлетворения по всем этим пунктам, он не только увеличит налогообложение английских купцов во всех торговых городах Ганзы, но и запретит импорт английской ткани — основного товара Англии. Однако это мнение Ганзейского сейма разделяли не все города. Еще задолго

до марта 1395 года Дортмунд, опасаясь за свою собственную торговлю в Англии, написал Любеку, требуя выплаты компенсации англичанам за их потери в ганзейских водах. Утверждение некоторых немцев о том, что английские купцы тогда компенсировали свои потери пиратскими нападениями на другие ганзейские корабли, может быть, и верно, но доказательств этому до нас не дошло.

Представляется, уместно более подробно рассмотреть англо-ганзейские экономико-политические отношения в конце XIV века. Особенностью этого периода по сравнению с началом XIV века является усиление тенденции ограничивать свою торговлю одним портовым городом. Если какой-то один фактор и был ответственен за это изменение, то им стал выход Ганзы из торговли шерстью под давлением английского купечества и короны. Так, ранее крупные экспортеры шерсти отправляли свой товар из Халла, Бостона, Линна или Лондона по мере необходимости, а также ввозили его в любой из этих портовых городов, свободно перемещаясь между ними. Отказавшись же от торговли шерстью, купцы, как правило, ограничивали свой бизнес одним местом, все чаще ведя дела лично.

Провинциальные портовые города Англии перестали пользоваться покровительством

широкого круга ганзейских купцов, бывавших тут ранее, и в каждом из них доминировали купцы какого-то одного города или региона, занимавшиеся определенным видом или набором товаров, что тоже сужало торговое разнообразие. Лондон являлся чем-то вроде исключения, так как Вестфалия, Рейнская область, Пруссия, западнобалтийские и североморские города были здесь всегда широко представлены. Когда в 1388 году Лондонскому контору потребовалось найти поручителей для своего коллективного иска, среди восемнадцати выдвинутых имен были десять человек из Кёльна, семеро из Дортмунда и один из Венгрии (HUB, 934, 945).

Стоит также отметить, что это имена купцов, которые снова и снова появляются в сохранившихся таможенных документах и записях деловых сношений с английскими властями в качестве ведущих импортеров и экспортеров. Все они были активно вовлечены в политическую жизнь Ганзы в Англии. Общее же число людей, располагавшихся в то время при Лондонском конторе или живших в других местах Лондона, остается неизвестно. Однако в 1381 году сборщики подушного налога насчитали двадцать восемь торговцев-германцев, которые были освобождены от выплат из-за их льгот.

В результате такой политики Англии ганзейцев, которые в начале XIV века были самой крупной и влиятельной купеческой общиной приезжих, торговавших на Британских островах, к концу XIV века полностью вытеснило английское купечество. Рост доли английских торговцев в экспорте главного товара — тканей — хорошо описан, а его причины объяснены в трудах Э. М. Карус-Уилсон (Wilson, 1967, 239–264).

В XV веке защита ганзейцами полученных ими ранее торговых привилегий стала более важной, чем когда-либо, в свете все более жесткого парламентского законодательства, направленного против иностранных купцов в целом, а также сложившейся политической обстановки в связях Англии и Ганзы. Таможенные пошлины, установленные в далеком 1303 году, все еще взимались, но взаимные привилегии, предоставленные Эдуардом I практически тогда же, были забыты. Только постоянно ссылаясь на правомерность использования торговых преференций Ганзы, предоставленных до и после этой даты, ганзейские купцы могли надеяться получить положенные им послабления от общего для иностранных купцов законодательства. Их призывы к выполнению законов не всегда были успешными.

Угроза ганзейским торговцам не сразу стала очевидной при вступлении на престол

Генриха IV, поскольку первый парламент при нем (в октябре 1399 г.) фактически подтвердил их право продавать в Англии продовольствие как в розницу, так и оптом. Все последующие заседания парламента приобрели одинаково враждебный к Ганзе характер. В 1401 и 1402 годах были вновь подняты налоги на вывоз английских тканей и король потребовал более строгого соблюдения этих законов. Еще один закон теперь обязывал ганзейцев расходовать всю выручку от продажи импортных товаров в Англии на английские товары для последующего их экспорта, а не только половину, как было чуть раньше. Позднее при Генрихе IV и его наследниках английский парламент только расширял эти акты. Делалось это не только для того, чтобы обеспечить политическое повиновение, но и для того, чтобы сковать ганзейцев, теперь уже прямых конкурентов, в других направлениях их экономико-политической деятельности. В 1404 году от иностранных импортеров требовалось предоставлять гарантии того, что они продадут свои товары в течение трех месяцев после прибытия в Англию, им запрещалось торговать с другими иностранцами и они должны были быть зарегистрированы в казначействе торгового города, который контролировал их деятельность.

В 1406 году произошло временное смягчение, когда парламентом было принято постановление, что иностранные купцы могут свободно торговать между собой в Лондоне, как в розницу, так и оптом. Но в июне 1407 года король приостановил действие этого статута до тех пор, пока парламент не рассмотрит его более тщательно, а тем временем городские власти запретили такую торговлю. Когда парламент снова собрался в октябре, он подтвердил политическое решение короля и отменил данный статут.

В 1411 году льготный период, разрешенный для продажи импорта, был сокращен с трех месяцев до сорока дней. Усиление этих правил произошло в 1425 году, когда иностранным купцам было приказано в течение сорока дней не только продать свой импорт в Англии, но и купить свою квоту английских товаров под страхом конфискации имущества (Stats., 118).

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что Ганзейский союз, изначально задуманный как чисто экономическое объединение купцов, пройдя сложный путь становления и эволюции, достиг наивысшей точки своего развития в раннее средневековье, когда Лиге пришлось выбирать и свое политическое будущее. Торговля Ганзы в Англии в раннем средневековье была

выгодна абсолютно всем участникам, но с развитием торговых сообществ внутри самой Англии появилась заинтересованность уже занятыми ганзейцами рынками; не последнюю роль также играл рост национальной самоидентичности, вследствие которого король и парламент зачастую принимали по торговым делам ганзейцев совершенно политизированные решения. По мере усиления присутствия на подконтрольных Ганзе рынках английских купцов, растет конкуренция, и английские купцы начинают требовать у Ганзы тех же торговых и налоговых привилегий, какими пользуется ганзейское сообщество в Англии. Так, чисто торгово-экономические взаимодействия становятся лишь частью политических. Поначалу связи ганзейцев с английской властью носят чисто рутинный характер, но позже перерастают в постоянный экономико-политический диалог короля и парламента Англии с Лондонским контором, а позднее — с Ганзейским сеймом. Ганзейская протекционистская политика даже на этапе формального упадка Лиги прочно запирала балтийский торговый путь для англичан, что вынудило последних переориентировать в дальнейшем их устремления на североευропейские пути, в частности с выходом к Архангельску.

Западно-ганзейские (в будущем) города, являясь инициаторами зарождения Лиги и фактически создателями Ганзы, формировали этот союз с прицелом прежде всего на Балтийскую торговлю. Однако западное (английское) направление с самого начала и до конца остается важнейшим и в чем-то самостоятельным сегментом ганзейской экономической деятельности.

Заключение

Итак, мы как бы стали свидетелями основных событий и процессов, приведших к формированию Ганзейского союза, обеспечивших специфические черты начального этапа «Ганзы купцов» и дальнейшую трансформацию из сугубо торгового объединения отдельных странствующих купцов в политическую по сути структуру. Вся уникальность Ганзейского союза на раннем этапе его развития заключается не только в равноправии представителей всех купеческих гильдий, но и в беспрецедентном безразличии к большой политике: он существовал в рамках множества феодальных государств, этносов, языков и даже конфессий. Однако эта система, ядром которой были северогерманские города, вступая в весьма разные по своей сути торговые отношения с соседями, неизбежно должна была претерпеть значительные изменения под давлением окружающей действительности. Одним из таких мощных факторов и явились те отношения на Британских

островах, что имели место между Ганзой и набиравшим постепенно вес купечеством самой Англии.

Исторически сложившаяся ориентация городов, находившихся в междуречье Рейна и Везера, на английский рынок также создала весьма специфический сектор торговой активности Ганзы, существенно повлиявший на ее трансформацию в зрелый период. Если изначально на английском рынке ганзейцы могли торговать практически любыми товарами, от перепродажи мехов с востока и норвежской рыбы до поставок рейнского вина, то к середине XV века ганзейцам уже приходилось делить торговый оборот с местными купцами, пользующимися протекционистскими законами, облагавшими Ганзу непомерными налогами. Если бы не заинтересованность прирейнских городов — членов Ганзы в рынке Англии, в сохранении имевшихся у купечества привилегий, то политические решения Лиги относительно торговли в Европе, на Балтике и в Прибалтике могли бы быть еще более сконцентрированы на защите внутренних рынков.

Произведенная сравнительная оценка английского сегмента ганзейской торговли на фоне общеганзейских торговых связей и представленные объемы товарооборота по обширному ряду позиций на различных направлениях приоткрывают для читателя факти-

ческое положение дел. Расчеты базируются на данных, зафиксированных английскими властями при взимании налогов с ганзейского купечества, при переписи местного населения, на записях самих купцов, а также из материалов судопроизводства того времени. Ведь с течением времени обстановка требовала от Ганзы все больших усилий в борьбе за отстаивание своих привилегий и прав.

Немаловажной в общеганзейской торговой политике явилась роль отдельных внутриганзейских подгрупп городов. Наиболее ранней группой торговавших в Англии купцов была кёльнская, которая также стояла у истоков формирования ганзейского центра в городе Любеке. К этой, весьма влиятельной в общеганзейских делах, группе примкнул целый ряд прирейнских купеческих городов, чьи торговые интересы были также завязаны на Англию. Этот важный факт зачастую находится в тени большинства исследований по теме становления и развития Ганзы.

Сделана попытка продемонстрировать роль английского рынка в ганзейской торговле в целом и на балтийском направлении в частности. Согласно упоминаниям выше товарооборота ганзейских купцов в акватории Балтики, роль рынка Англии для Ганзы оказалась поистине значимой. Транспортировка

все больших объемов товара между Англией и остальной Европой в относительно свободных от пиратства водах Балтики неминуемо сказалась на изобретении нового типа судов, задействованного не только в торговле, но и в дальнейших боевых и блокадных операциях Ганзы.

Удалось продемонстрировать влияние торговли с английскими портовыми городами на формирование противоречий внутри Ганзейского союза. Попытки Ганзы разрываться сразу в несколько различных торгово-политических направлениях, следуя экономическим интересам небольших заинтересованных групп купечества или целых торговых городов, неминуемо привели к внутренним противоречиям, существенно ослабив Ганзу. Несмотря на это, ганзейцам удавалось находить компромиссы на Ганзейских сеймах или в рамках локальных контор по месту торговых споров.

В ходе исследования объемов торговли ганзейского купечества с отдельными портовыми городами Англии выявлены некоторые закономерности и представлены данные из дошедших до нас налоговых документов. Основные сведения, доступные современному исследователю, указывают на очевидное доминирование ганзейских торговцев в экспорте английских тканей в раннем средневековье, однако рост и разви-

тие местного купечества заставляет Ганзу не только сужать свою деятельность на Балтике, но и создавать со временем свои собственные механизмы протекционизма в своих землях.

Большое значение в работе придается роли англо-ганзейских связей в экономико-политической трансформации внутри самого Ганзейского союза. Изначально заинтересованная в присутствии иностранных купцов на своей земле английская корона, ведя войну с Францией, брала у купцов кредиты, а ввозимые товары на Британских островах были тогда в диковинку и, следовательно, востребованы. Однако позже эти отношения стали тяготить обе стороны. Так, английские власти вынуждают Ганзу платить непомерные налоги, а английские купцы теснят ганзейских на рынках Балтики. Позже англичане начинают требовать от городов Ганзы таких же привилегий, какие ганзейцы уже имеют в Англии. Аресты товаров и имущества, как и судебные тяжбы также становятся обычным явлением этого периода. Король и парламент зачастую принимают на слушаниях по торговым спорам с ганзейскими купцами совершенно политизированные решения.

Данное обстоятельство неминуемо приводило к политической консолидации западноганзейских городов, что отражалось в итоге и на политизации Ганзы в целом. Из

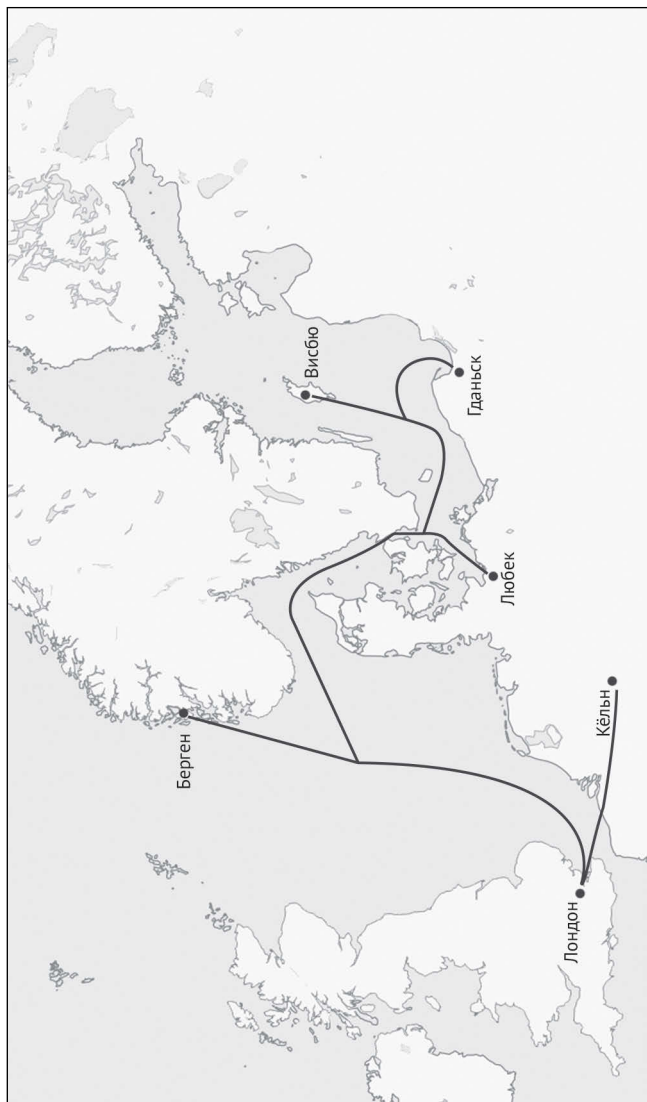
сугубо торгового объединения она достаточно быстро превращается в военно-политический союз с элементами государственной организации, осуществляющий защиту своих интересов как законодательными мерами, так и военной силой. Протекционизм обеих сторон и закрытость рынков для конкурентов приводят в конечном итоге к неприкрытой конфронтации Ганзы и Англии, вылившейся в полномасштабные торговые войны в будущем.

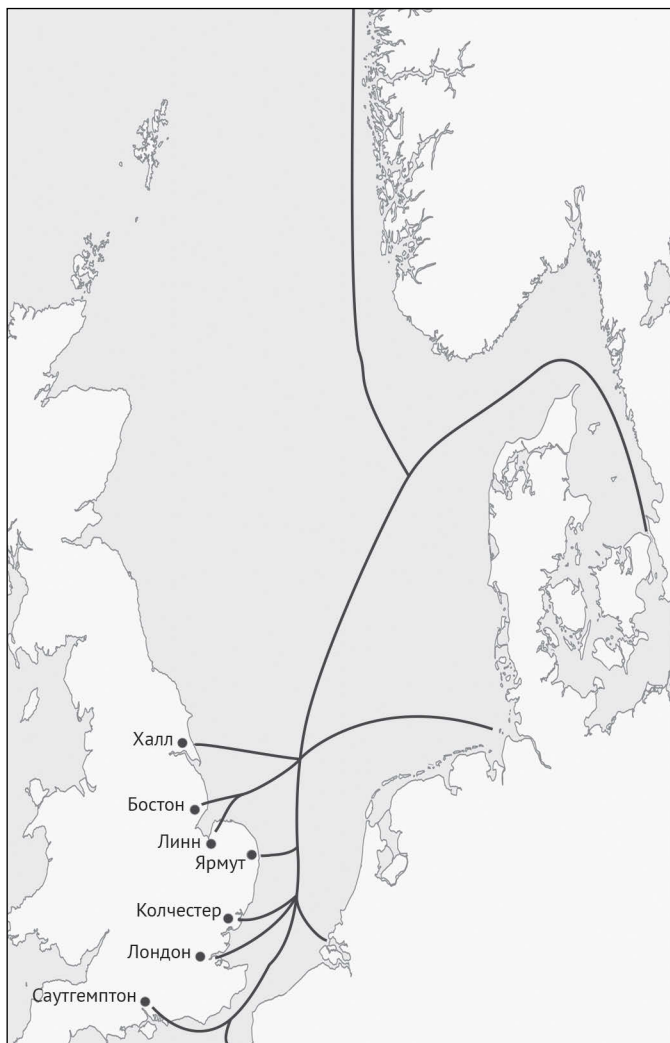
Таким образом, мы можем проследить, как именно английское направление деятельности Ганзы сыграло решающую роль в превращении Ганзейского союза в полномасштабное политическое объединение, со всеми присущими ему атрибутами, оставив тот уникальный неполитизированный сугубо экономический облик в прошлом.

История Ганзы учит нас тому, что отношения чисто экономические (торговые) имеют не так много шансов остаться исключительно таковыми в долгосрочной перспективе. Рано или поздно (и скорее рано) торгово-экономические связи влекут за собой серьезные политические сдвиги. Основываясь на этих фактах, стоит вновь и вновь осмысливать современные попытки восстановления тех или иных элементов деятельности Ганзейского союза. Упование на то, что удастся остаться в рамках экономики, не углубляясь в поли-

тику, с исторической точки зрения выглядит спорно. Однако мы можем надеяться на то, что с оглядкой на известный нам опыт, тщательно изучив уроки истории, при созидании современного общества мы сможем избежать ошибок прошлого.

Приложение

Расположение торговых городов Англии

Рейнский торговый путь

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Calendar of Chancery Warrants [1230–1326]. (CChW, Сборники частных привилегий и актов*). London, 1927. URL: https://archive.org/stream/calendarofdocume05grea/calendarofdocume-05grea_djvu.txt.

Calendar of Close Rolls [1272–1509]. (CCR, Архивы Верховной Канцелярии Английской короны*). 47 томов; London, 1892–1963. URL: <https://www.british-history.ac.uk/cal-close-rolls/edw1/vol1>.

Calendar of Fine Rolls [1272–1509]. (CFR, Сборники податей, налогов и привилегий, выданных Верховной Канцелярией Англии*). 22 тома; London, 1911–1962. URL: https://www.wikitree.com/wiki/Space:Calendar_of_the_Fine_Rolls_Preserved_in_the_Public_Record_Office.

Calendar of Patent Rolls [1232–1509]. (CPR, Сборники административных актов Английской короны по разнообразным вопросам*). 52 тома; London, 1906–1986. URL: <https://archive.org/details/calendarofpatent16grea/page/n4/mode/2up>.

- Die Recesse und Andere Akten der Hansetage. (HR, Сборники судебных документов (актов) с заседаний на ежегодном собрании Ганзы*). Series 1. 1256–1430. — Leipzig, 1870–1897. URL: https://archive.org/details/bub_gb_ReFSAAAAcAAJ.
- Hansisches Urkundenbuch. (HUB, Сборники ганзейских судебных документов (актов) до XVI в.*). Halle; Leipzig, 1876–1907. URL: <https://www.hansischergeschichtsverein.de/hansische-s-urkundenbuch>.
- Rotuli Hundredorum. (Rot. Hund, Сборник-перепись имущества, долгов и земель конца XIII в., проведенная в начале правления Эдуарда II*). London, 1812–1818. URL: https://www.wikitree.com/wiki/Space:Rotuli_Hundredorum.
- Rotuli Parliamentorum. (Rot. Parl, Сборник актов с заседаний Английского Парламента*). London, 1785–1832. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/record?catid=2064&catln=3>.
- Statutes of the Realm. (Stats, Сборник актов Английского Парламента*). London, 1810–1828. URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/012297566>.

* — перевод автора.

Литература

- Бережков М. Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб.: Тип. В. Безобразов и Комп., 1879.
- Гуревич А. Я.* Средневековый купец. М.: Одиссей, 1990.
- Дживелегов А. К.* Городская община в средние века. М.: Типография А. В. Васильева, 1901.

- Кённингэм У.* Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века. 2-е изд. М., 1909.
- Кириллова А. А.* Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М., 1979.
- Смирнова Ю. О.* Устав Стального Двора в Лондоне: история, функция и организация текста // Вестник Московского государственного университета. № 1, серия 9. М., 2010. С. 69–87.
- Стам С. М.* Средневековый город и проблема возникновения нефеодалных форм собственности // Средневековый город. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 25–32.
- Харитонович Д. Э.* Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. М., 1999.
- Штокмар В. В.* История Англии в средние века. Л., 1973.
- Ahasver von Brandt.* Die Hanse als mittelalterliche Wirtschaftsorganisation. Entstehen, Daseinsformen, Aufgaben // Wissenschaftliche Abhandlungen der Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen. Cologne, Opladen, 1963. № 27. S. 9–38.
- Allen M.* Medieval merchants and the English mints and exchanges, 973–1489 // Medieval Merchants and Money / Essays in Honour of James L. Bolton. London, 2016. P. 84–103.
- Bartlett J. N.* Some Aspects of the Economy of York in the Later Middle Ages, 1300–1550. London: Institute of Historical Research, 1958. P. 132–133.
- Brandt P.* Merchants and their use of the action of account in thirteenth- and earlyfourteenth-century England // Medieval Merchants and Money / Essays in Honour of James L. Bolton. London: Institute of Historical Research: 2016. P. 121–138.

- Bridbury A. R.* Medieval English Clothmaking: An Economic Survey. London, 1982.
- Britnell R. H.* Growth and Decline in Colchester, 1300–1525. Cambridge, 1986.
- Brooke C., Keir G.* London in 800–1216. London, 1975.
- Dick B.* Framing 'piracy': Restitution at sea in the later middle ages. Glasgow, 2010.
- Dollinger P.* The German Hansa. Stanford: Stanford University Press, 1970.
- Edward W. M.* Pirates, robbers and other malefactors. The role played by violence at sea in relations between England and the Hanse towns, 1385–1420. Pitcaithly: The University of Exeter, 2011.
- Ellmers D.* Die Entstehung der Hanse. Hamburg: GRIN Verlag, 1985.
- Ewert U. C., Selzer S.* Institutions of Hanseatic Trade Studies on the Political Economy of a Medieval Network Organisation. Frankfurt am Main, 2016.
- Ford C. J.* Piracy or Policy: The Crisis in the Channel in 1400–1403. London, 1979.
- Gibbs S., Bell A. R.* Fighting merchants // Medieval Merchants and Money / Essays in Honour of James L. Bolton. London: Institute of Historical Research, 2016. P. 56–83.
- Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916.
- Hakluyt R.* The Principal Navigations, Voyages, Traffiques und Discoveries of the English Nation. Glasgow, 1903.
- Hatcher J.* English Tin Production and Trade before 1550. Oxford, 1973.
- Koppmann K.* Die Recesses und Andere Akten der Hansetage, Series 1, 1256–1430. Leipzig, 1897.

- Kumlien K.* Hansischer Handel und Hansekaufleute in Skandinavien. Oxford, 1943.
- Lappenberg J. M.* Urkundliche Geschichte des Hansischen Stahlhofes zu London. Hamburg, 1851.
- Lonig G. A.* Deutsche und Gotlander in England im 13 Jahrhundert. Hamburg, 1943.
- Martin J.* Treasure of the Land of Darkness. Cambridge, 1986.
- Miller E.* The Economic Policies of Governments: France and England / Eds. M. M. Postan and E. Mille // Economic Organisation and Policies in the Middle Ages. Cambridge, 1963. № 3. P. 291–318.
- Neumann G.* Hinrich Castorp // Neue Deutsche Biographie. Berlin: Duncker & Humblot, 1957. Band 3.
- Nicolle D.* Forces of the Hanseatic League 13th–15th Centuries. Oxford: Men-at-Arms, 2014. № 494.
- Norman P.* Notes on the Later History of the Steelyard in London. Cambridge: Cambridge University Press, 1909. № 61. P. 389–426.
- Oldland J.* The economic impact of clothmaking on rural society, 1300–1550 // Medieval Merchants and Money / Essays in Honour of James L. Bolton. London: Institute of Historical Research, 2016. P. 139–153.
- Perkmann M.* Cross-Border Regions in Europe: Significance and Drivers of Regional Cross-Border Co-Operation // European Urban and Regional Studies. Warwick, 2003. Vol. 10. № 2. P. 153–171.
- Petri F.* Die Stellung der Sudersee- und Jsselstadte im Flandrisch-Hansischen Raum. Hamburg, 1961.
- Postan M.* The Economic and Political Relations of England and the German Hanse from 1400 to 1475. London, 1933.

- Postan M.* The Trade of Medieval Europe the North // The Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire. Cambridge, 1987. P. 168–305.
- Robertson A. J.* The Laws of the Kings of England from Edmund to Henry I. Cambridge, 1925.
- Sartorius G. F.* Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hansa. Hamburg, 1830.
- Schanz G.* Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters. Leipzig, 1881.
- Schulz F.* Die Hanse und England von Eduards III bis auf Heinrichs VIII Zeit. Berlin, 1911.
- Sutton A. F.* East coast ports and the Iceland trade, 1483–1489: protection and compensation // Medieval Merchants and Money / Essays in Honour of James L. Bolton. London: Institute of Historical Research, 2016. P. 32–41.
- Veale E. M.* The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966.
- Walford C.* An Outline History of the Hanseatic League, More Particularly in Its Bearings upon English Commerce // Transactions of the Royal Historical Society. Cambridge, 1881. Vol. 9. P. 82–136.
- Wilson C., Coleman O.* England's Export Trade, 1275–1546. Oxford: Clarendon Press, 1963.
- Wilson C., Mary E., Coleman O.* England's Export Trade 1275–1547. Oxford: Clarendon Press, 1963.
- Wilson C., Mary E.* Trends in the Export of English Woollens in the Fourteenth Century // Medieval Merchant Venturers. London, 1967. P. 239–264.
- Yang D.* The Evolution of Craftsmen Guilds a Coordination Perspective // National Kaohsiung First University of Science and Technology. 2008. № 8. P. 56–62.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Эволюция ганзейско-английских связей	11
Образование Ганзы и организация торговых отношений Западной и Центральной Европы	11
От «Ганзы купцов» к «Ганзе городов» ...	26
Судоходство Ганзы	39
Налоги и привилегии в Англии для Ганзы	46
Глава 2. Механизмы торговых отношений Ганзы и Англии	80
Деятельность Ганзейского союза в английских портовых городах	80
Англо-ганзейские связи как фактор политизации Ганзы	112
Заключение	137
Приложение	145
Торговые «столицы» в зоне влияния Ганзы	147
Расположение торговых городов Англии	148
Рейнский торговый путь	149
Список источников и литературы	150

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Керт Дмитрий Борисович

ГАНЗА В АНГЛИИ

Западный вектор развития
Ганзейского Союза

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 15.06.25
Формат 10,0×16,5 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Значение Ганзейского союза, самой разветвленной и процветающей торговой ассоциации в средневековой Европе, сложно переоценить. Ганза неизбежно занимает видное место во всех исследованиях торговли и дипломатии. Однако тема формирования и развития связей между материковой Европой и Британскими островами остается малоисследованной.

Отношения Ганзейского союза с Англией основывались на коммерческом обмене, поэтому большая часть книги посвящена торговле. Анализируется структура торговли, реконструируются колебания ее объема и стоимости на основе первичных источников (главным образом таможенных документов). Но торговля часто становилась возможной только благодаря интенсивным политическим и дипломатическим переговорам, жарким спорам между двумя сторонами. Случались как стычки отдельных купцов, так и конфликты между английским правительством и Ганзейским сеймом, высшим авторитетом в немецкой торговой организации. Обо всем этом читатель узнает из данной работы.